

Тень невидимки

Автор:

[Андрей Ильин](#)

Тень невидимки

Андрей Александрович Ильин

Обет молчания #11

Вчера он спокойно смотрел футбол, лениво препирался с женой и латал старенький «жигуль» в гараже. Десять лет он прожил под чужой маской, пока она не стала своей. Всё изменилось в считанные секунды. «Контора» отдала приказ, и он вынужден бросить всё, потому что снова понадобилась стране, которая, похоже, готовится к новому витку тайной войны, и у него нет никаких шансов избежать участия в ней. Ему придется отказаться от привычного быта, семьи и даже собственного имени. Вспомнить, как надо мгновенно убивать и изощренно пытаться людей. Он будет скрываться от преследователей, угрожать первому лицу государства, манипулировать действиями его охраны, даже рыть себе могилу.

И вовсе не ради того, чтобы вернуться...

Андрей Ильин

Тень невидимки

© А. Ильин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая

Утро. Квартира. Обычная трехкомнатная. Типовая «хрущевка» с видом на соседнюю пятиэтажку, за ней были точно такие же «хрущевки». И еще «брежневки». Типичный спальный район одного из областных центров, не процветающего, но и не дотационного. Средненького.

В квартире стояла обычная, купленная в кредит мебель из ДСП – шкафы из ДСП, кровать из ДСП. На кровати лежал с прикрытыми глазами мужик в семейных трусах. В лицо ему бил яркий луч солнца. На улице была весна.

Он лежал один, жена находилась на кухне. Там что-то скворчало, звякало и пахло жареным луком.

– Ты долго еще будешь валяться?! – крикнула из кухни жена.

Мужик промолчал. Ему не хотелось вставать и не хотелось отвечать.

– Ты чего молчишь? Ты что, умер? Наконец-то...

Мужик поморщился. В спальню сунулась обернутая в бигуди голова.

– Ну, ты чего не встаешь-то?

– Так воскресенье же.

– Ну и чего?

– Ничего.

Утро было замечательное и ругаться всерьез было лень.

- Ты завтракать будешь?

- А чего там?

- Всё то же самое.

Значит, пирожки с луком и яйцами. Мужик встал, шаркая тапками и вздыхая, побрел в туалет.

- Ты так и будешь в трусах по дому ходить?! - возмутилась жена.

- А что?

- Ничего. Ты думаешь, очень приятно на тебя голого смотреть, ты думаешь, ты Шварценеггер?

Мужик, точно, не был Шварценеггером, мужик был обычный, какой-то средненький, как «хрущеба», в которой он жил, как мебель, на которой он спал. Был никакой. Увидишь такого в толпе, отвернешься и забудешь в ту же минуту и навек.

Зевая и почесываясь, мужик сел за стол, стал жевать что-то без вкуса и удовольствия под оживленный рассказ жены:

- А я ей... А она в ответ... А я ей... Ну ты чего молчишь?

- А чего?

- Ничего. Я же тебе рассказываю.

- Ну да, я слушаю.

- А чего молчишь?

- Так ты мне слова вставить не даешь.

Мужик поел и пошел гостиную. Рухнул в кресло, включил телевизор. По ящику шел футбол. Кто-то черт знает как играл хрен знает с кем, не понять, с каким счетом. Мужик вперился в экран, где по зеленому полю лениво передвигались фигуры в желтых и красных трусах.

- Ты чего там сел-то?

- Так футбол же.

- Ну и что? Ты мне обещал дверцу шкафа подкрутить. Сколько дней прошу.

- Да ладно. Подкручу. Успею.

- Ты теперь подкрути.

- Я же говорю: успею, день длинный.

Первый тайм кончился. Мужик пошел в коридор, вскарабкался к антресолям, нашарил какие-то инструменты и стал чего-то там колотить в шкафу. На пять минут наступила семейная идиллия.

- И еще шкафчик на кухне.

- Ты про шкафчик не говорила.

- Теперь говорю!

- У меня футбол!

- А у меня шкафчик. И муж безрукий!

Идиллия кончилась.

- Ты чего орешь, всё орешь и орешь? - вяло возмутился муж.

- А чё ты в трусах ходишь?

- Да я уже не в трусах!

- А раньше в трусах был!

- Так в трусах же, а не без них.

- А может, мне неприятно на тебя смотреть?

- Тьфу!.. - Мужик плюнул и пошел в туалет. С газетой.

Он сидел на унитазе и читал, что в стране всё, за исключением отдельных недостатков, очень хорошо. А он любил читать про недостатки, которые были интереснее успехов - как кто-то кого-то убил, потом расчленил и где-то закопал, а кто-то проворовался, потом сбежал, потом вернулся и по совокупности деяний был назначен куда-то чрезвычайным послом. Про успехи он читать не любил, так как многие победы страны были хуже иных поражений. С такими победами страна могла и не справиться.

В дверь поскреблись.

- Ну? - откликнулся мужик.

- Чё «ну»? Вылазь давай!

- Мне что, в туалет сходить нельзя? В свой выходной?

- А чего сидеть по часу?

- Сколько хочу, столько сижу! - возмутился мужик из-за двери.

- А детям лопнуть, да? Вон Ленка еле терпит.

- Папа, я пи-и-сать хочу-у, - стала подвывать Ленка.

Мужик опять вздохнул, слил воду и открыл дверь, в которую юркнула дочь. Мужик прошел в гостиную и плюхнулся в кресло.

- Ты чего опять сел?

- Так второй тайм.

- А с детьми погулять? А в театр со мной сходить? А к маме съездить? Ну чё ты молчишь-то? Что ты всё молчишь и молчишь?

Да, надо что-то говорить. Надо реагировать... А то как-то не по-мужски. Не хочется, но надо.

- Да ё-моё... - возмутился муж. - Ишачишь всю неделю как проклятый, и в выходные покоя нет! Что у тебя за характер за такой, Зинка?

- На себя посмотри! - возмутилась Зинка. - Как ухаживал - гоголем ходил, на руках обещал носить, а теперь дверцу прибить не допросишься. Правильно мама говорила...

- Дура ты, Зинка.

- А ты как будто умный!

Мужик махнул рукой и пошел к входной двери.

- Ты куда это собрался? - грозно заступила ему дорогу жена.

- В гараж.

- Опять?

- Не опять, а снова. Мне карбюратор перебрать надо.

- Ты же в прошлые выходные перебирал, - заподозрила неладное жена.

- Ну да, перебирал. Да не перебрал.

- Ага, не перебрал. Еще как перебрал. На ногах еле стоял.

- Можешь тогда ты в гараж, а я дома останусь? С удовольствием! - предложил муж. - А на дачу на автобусе поедем. С рассадой.

Аргумент был убойным. Перебрать карбюратор жена не могла, а рассадку переть на себе не хотелось. Возразить было нечего, но промолчать тоже нельзя.

- Я сколь раз говорила: давай новую машину купим.

- На какие шиши?

- «Жигуль» продадим!

- За три копейки?

- Тогда кредит возьмем. Теперь все кредиты берут. Вон Семеновы взяли и Гавриковы.

- А отдавать как?

- А ты работу поменяй.

- На какую?

- На где платят больше...

- А где больше? Может, мне в киллеры податься?

- А хоть и в киллеры. Хоть на панель! А так жить нельзя! Дети вон пообносились, я себе колготок лишних не могу... Кран течет... Правильно мама...

- Ну всё, я ушел. - Мужик бросил на макушку кепи и вышел, хлопнув дверью. Очень громко.

На улице было тепло и весело. Светило солнце, шныряли дети и собаки. А что? Нормальная семья, вполне себе типичная, в которой без ругани обойтись никак невозможно. Так все живут. И в их «хрущевке», и в соседней. Да и вообще в микрорайоне и областном центре. В стране. И он так живет. Как все. Нормально...

Гараж был недалеко – длинная шеренга кое-как покрашенных кирпичных блоков с хитромудрыми самодельными замками и засовами за толстенными металлическими воротами. За этими воротами стояли раздолбанные «жигули», на которые, даже если их с ключами на улице оставить, хрен кто позарится.

В гараже был полный воскресный сбор. Мужики стояли возле поднятого полгода назад капота. На табуретке, застеленной газеткой, стояли стаканы и лежало что-то малосъедобное, напластанное на ломти.

– О-о, Сан Саныч! – обрадовались ему, как родному. – Вот скажи, Сан Саныч: срочную год служить – это нормально или мало?

– Нормально, – сказал Сан Саныч. – Хотя маловато.

– Вот и я говорю: чего там за год узнаешь? Только как портянки мотать. А оружие, а техника, а тактика со стратегией? Год – это салабон без понятий. Это насмешка какая-то... Так?

– Ну да, – согласился Сан Саныч.

– Вот ты где, Саныч, служил?

– Я в стройбате.

– А-а... Тогда понятно. Там точно никакой техники, кроме лопаты. Оператор БСР: бери больше – кидай дальше.

– Ну да, – кивнул Сан Саныч.

– Ты хоть оружие-то в руках держал? Боевое? Ну, хоть на присяге?

– Оружие? Нет, я только лопату...

* * *

– Вот лопата!

Лопата была простая, штыковая, почерневшая от ржавчины, с искривленным, плохо ошкуренным черенком. Такую выкинуть не жалко.

– Лопата штыковая, используется гражданским населением для огородных нужд. На вид – фигня. Картошку копать. И канавы. На самом деле это не лопата, а оружие. Холодное. Такое же грозное, как штык-нож. Если, конечно, у вас руки откуда надо растут.

Руки у курсантов росли из разных неположенных мест, поэтому они не могли представить, как использовать лопату в боевых целях, разве что сверху по башке долбануть.

– Лопата состоит из штыка, – показал инструктор. – И черенка. Правильно заточенной лопатой можно перерезать человека в поясе надвое, проткнуть его насквозь, перерубить позвоночник, одним замахом отрубить ему голову.

Выходило, что лопата – это не лопата, а оружие массового поражения, с которым запросто можно выиграть мировую войну.

– Смотреть сюда... – Инструктор подхватил лопату и подошел к вкопанному в землю бревну. – Бить лопатой нужно без замаха, но так, чтобы удар шел от плеча. Показываю.

Он обошел вокруг бревна, подволакивая за собой лопату, и вдруг, сделав резкий выпад, ударил лезвием в бревно. Удар был легкий – как выпад рапирой. Но был страшен. Штык лопаты вошел в бревно почти на четверть. Отпущенный черенок мелко вибрировал.

– Вот так, – оценил свою работу инструктор. – Или так...

Он с усилием выдернул лопату из бревна и закинул ее на плечо, как будто собирался идти с ней далеко и долго. Но никуда не пошел, а резко, без замаха, ударил бревно сверху вниз. От бревна отскочила толстая щепка. Если бы это был человек, то запросто отлетела бы отрубленная рука.

– Это был удар сверху. При этом вы как бы перекачиваете лопату через плечо, одновременно приподнимая его и толкая вперед, что усиливает удар. То есть в ударе должна участвовать не только рука, а весь плечевой пояс. Показываю еще раз... – И показал еще... И еще... – Теперь о самом инструменте. Заточка. Это самое главное. Заточка должна быть бритвенной, идти с одной стороны, с тыльной, чтобы не бросаться в глаза. Для усиления маскировки рабочую кромку по завершении рекомендуется замазать землей или залить водой до образования ржавчины. Точить лезвие можно о бетон, асфальт, стену. Доводить грубую заточку любым подручным инструментом, хоть даже камнем. При встрече с препятствием: костью или металлическими деталями амуниции – лопата быстро тупится, поэтому ее следует считать одноразовым оружием и после каждого использования затачивать заново. Ясно?

– Так точно! – гаркнул строй.

– Не понял? – удивился инструктор. – Ясно?!

– Ну да... Конечно! Ясно! Понятно! Ага! – вразнобой прокричали курсанты.

– То-то! Теперь представим, что на вас нападает противник с автоматом. Есть у вас шанс?

– Нету, у него же автомат.

– Кто сказал?

– Я!

– Выходи из строя. Бери автомат.

Курсант взял автомат. Инструктор лопату.

– Ну?

– Чего «ну»?

– Нападай!

Курсант вскинул автомат. И не нашел ничего лучшего, как крикнуть:

– Руки вверх!

– С предохранителя сними, – напомнил инструктор.

– А что мне, стрелять? – спросил курсант.

– Стреляй.

Патроны были холостые, но даже если так, не очень-то приятно, когда тебе в зрачки смотрит черная дырка дула.

– Руки вверх! – еще раз, уже чуть истерично, крикнул курсант. И ткнул автоматом вперед.

– Да ладно, ладно, – доброжелательно заулыбался инструктор. – Сдаюсь... – И стал поднимать руку. Левую. Потому что правой держал лопату.

– Лопату на землю! – громко приказал курсант. Он все больше входил в роль.

– Хорошо-хорошо, ты только не психуй так, – примирительно сказал инструктор. И стал нагибаться, чтобы положить свой инструмент.

Но вдруг как-то неуловимо быстро сдвинулся в сторону, одновременно бросив вперед лопату. Звякнул металл о металл. Лезвие скребануло по дулу. Раздался выстрел! Но там, куда был направлен выстрел, инструктора уже не было! Лопата мелькнула в воздухе, и лезвие уперлось в кадык курсанту, а нога инструктора оттолкнула в сторону его оружие. Если бы это был не учебный, а реальный бой, острие лопаты мгновенно перерезало бы курсанту горло, перебив сонную

артерию и, возможно, позвоночник.

Курсант напряженно застыл, скашивая глаза вниз, на черное лезвие лопаты, чувствуя, как бритвенно заточенное железо подрезает ему кожу.

- Всё понятно? - спросил инструктор.

Все разом кивнули. Кроме единственного курсанта, который боялся шевельнуть головой.

- Это азы. Это приемы, доступные любому спецназовцу, - пояснил инструктор. - Подбери автомат и ступай в строй... Переходим к Петровичу.

Петрович был манекеном, на котором отрабатывались приемы рукопашного боя. Он был обряжен в военную форму, и на его наскоро намалеванном лице застыла наведенная кем-то доброжелательная улыбка.

- Ну что, Петрович, поработаем?

Петрович блаженно улыбался. Петрович был не против. Он был безотказен.

- Наносить удары можно так. - Держа лопату вертикально, инструктор приподнял ее правой рукой и, удерживая за черенок, неожиданно и сильно пнул ногой, так что лезвие, совершив полукруг, рубануло манекен между ног. - Или так... - Инструктор упал на спину и, упёршись подошвой, толкнул ногой лезвие вперед, в живот противнику. - Или так... Или так...

Инструктор рубил и шинковал Петровича из всех возможных положений, отчего манекен качался и заваливался набок, а гимнастерка на глазах превращалась в лохмотья. Но радостная улыбка не сходила с намалеванного лица Петровича. Он честно тянул свою службу.

- А если противников будет много? - спросил кто-то из строя.

- Давайте посмотрим.

Притащили еще несколько «петровичей». На их деревянных шеях болтались автоматы.

– Расставляйте.

Хитрые курсанты расставили манекены вкруговую, растащив подальше друг от друга. Инструктор встал внутрь круга. Замер, оглядываясь по сторонам, примериваясь. Вдруг он как-то весь обмяк, на лице его появилось растерянно-жалкое выражение. И стал каким-то несуразным, неуклюжим, каким-то тюфяком...

И это тоже был боевой прием – обмануть, ввести в заблуждение, отвлечь противника. Потому что иначе не победить. Только расслабив врага, только напав неожиданно, можно его одолеть.

Инструктор шмыгнул носом и утерся рукавом гимнастерки. Курсанты ухмылялись. А враги должны были брезгливо поморщиться и решить, что этот боец не воин, а слизняк. И утратить бдительность. И ошибиться.

Тут инструктор заметил, что у него развязался шнурок, – и когда он успел его распустить? Он стал нагибаться, но не согнулся до конца, а резко прыгнул вперед, ударив ближний манекен лезвием лопаты в грудь.

Раз!..

Это был первый враг.

Второго противника, стоящего сзади, инструктор, отступив на шаг и перехватив рукой черенок ближе к лезвию, сильно ткнул этим черенком в лицо. Живому врагу он проломил бы кости лица и вогнал черенок в мозг. Манекену – снес голову. Деревянная болванка с нарисованным лицом слетела с плеч, стукнулась об асфальт и покатила под ноги курсантам.

Два!..

Третий манекен был слишком далеко, чтобы можно было справиться с ним легко. Но инструктор исхитрился – перехватил черенок за самый конец, согнулся,

прыгнул вперед, распластавшись над землей, и в падении широкой дугой, на лету, чикнул по шее очередного Петровича. Он не смог снести ему голову, но достал, зацепил, подрезал шею. Его противник, возможно, не умер, но вряд ли мог бы сопротивляться.

Три!..

Не обращая внимания на обезвреженного врага, инструктор рванулся к четвертому манекену, который, если бы был реальным противником, должен был отскочить и начать стрельбу на поражение. И он «отскочил» и «изготовился к стрельбе» и «нашаривал» уже пальцем спусковой крючок. И еще один, пятый манекен, тоже «лапал» спусковую скобу и тоже через секунду-другую должен был начать стрелять. Обезвредить двоих разом было невозможно. Потому что пуля быстрее самой отчаянной штыковой атаки. Инструктор должен был получить в лицо и спину короткие очереди.

Но инструктор вдруг резко сместился в сторону, встав между двумя манекенами, и стрелять врагам стало бы затруднительно, потому что можно было зацепить друг друга. И враги, конечно, быстро нашлись бы и отпрыгнули в стороны, но на то, чтобы сообразить, что случилось, на принятие решения и действие им понадобилось бы три секунды.

Целых три! Но эти секунды инструктор дарить не собирался! Он прыгнул вперед, успев воткнуть свое импровизированное оружие снизу вверх в живот манекену, и успел откатиться в сторону, потому что поверженный враг, умирая, исхитрился нажать на спусковой крючок и дать короткую очередь себе под ноги.

Четыре!..

Но теперь положение стало безнадежным. Четвертый поверженный манекен обрекал инструктора на смерть, потому что, убивая его, он отступил от пятого врага. И эти проигранные метры он преодолеть уже никак не мог! Кроме того, пятый противник успел отбежать на несколько шагов и стал недостижим для атаки. Теперь их разделял десяток метров, и пятый манекен мог стрелять спокойно, как в тире, прицеливаясь наверняка, или дать длинную, от живота очередь и, конечно, не промахнуться, потому что промазать с десяти метров невозможно.

И понимая свою обреченность, инструктор не рванулся к врагу и не побежал от него. Он подпрыгнул, крутанулся в воздухе и, распрямившись как пружина, метнул в манекен свое импровизированное оружие. Лопата мгновенно преодолела разделявшие врагов метры, и лезвие ткнулось точно в переносицу манекену. Не в грудь, где мог быть бронежилет – в незащищенное лицо! Манекен качнулся и рухнул навзничь. Как упал бы боец с настоящим автоматом. Упал бы уже мертвым!

Пять!..

Пять манекенов – пять трупов – валялись на бетоне.

Инструктор остановился, тяжело дыша. Прошло шесть, может быть, семь секунд с начала боя.

– Кто что может сказать? – спросил он.

Все молчали, глядя на изрубленных «петровичей».

– Чистая победа, – восхитился кто-то.

– Нет, не так, – покачал головой инструктор. – Вы плохо смотрели! Я не победил, потому что умер. Пал в неравном бою. Последний мой враг успел выстрелить. Он убил меня за долю секунды, как умер. Но я погиб не за здорово живешь. Я утащил за собой пять врагов! А это не самый плохой результат. Инструктор умер, но... победил. А теперь прошу к мишени. Будем учиться метать лопату.

Курсанты толпой побрели к мишеням.

– Лопата! Штыковая. Обыкновенная, – подбросил лопату на руке инструктор. – Уравновесьте ее, найдите центр тяжести и метайте, как обыкновенное копьё. – Взял лопату!

Курсант подхватил брошенную ему лопату.

– Ну?

Курсант отставил ногу, занес за спину правую руку... Он был эффектен, как метатель копья на чемпионате мира.

- Достаточно, - остановил его инструктор.

- Но я еще не бросил! - удивился курсант.

- А ты не можешь бросить, ты уже труп. Драка - не олимпиада. А твой враг - не благодарный зритель. Он не будет аплодировать твоим позам, он будет стрелять. На поражение. Дай сюда лопату. - Инструктор перехватил лопату, ткнул штыком в землю. - Вот вы стоите, - сказал он курсантам. - Расслабленно. Вон ваш противник, - указал инструктор на мишень. - И враг не дурак и не позволит убить себя за просто так. Встань возле мишени, - обратился он к одному из курсантов.

Тот встал в метре от мишени.

- Автомат на плечо. Смотреть на меня!

Инструктор стал копать, ковырять землю лопатой, отбрасывая комья в сторону. Все напряженно наблюдали за ним. Инструктор останавливался, утирал пот, снова копал. Прошло минуты три. Потом пять. А он копал. И всем это уже надоело...

Вот опять ткнул, наступил ногой на штык. Надавил. Выворотил ком земли. Отбросил... Ткнул... Нажал...

Устал копать. Воткнул лопату в землю. Утёр левой рукой лицо. Снова взялся за лопату, чтобы копать... И вдруг, без перехода, без подготовки, пнул ногой лопату вверх, и в момент, когда она встала параллельно земле, сильно толкнул черенок правой рукой вперед. Лопата пролетела десять метров, врубившись точно в десятку. И если бы это был человек, ему бы перебило грудную клетку и разрубило надвое сердце.

А что курсант? Успел лишь сбросить автомат с плеча и даже не снял его с предохранителя. Он опоздал, и, значит, он умер.

Лопата оказалась быстрее пули.

- Пуля дура, - сказал инструктор. - А штык... - ткнул он в лезвие лопаты. - Молодец! Ясно?

- Так точно!

- Что?!

- Да... Поняли... Ясно...

- Запомните: в метании шанцевого инструмента важна траектория, а не сила. Лопата не требует сильного замаха, так как сама по себе достаточно тяжела и имеет хорошую инерцию. Пробуйте.

И курсанты метали и швыряли лопаты в мишени и манекены, поначалу промахиваясь, потом всё больше попадая в цель.

- Кроме того, можно метать лопаты прокрутом, через плечо, как это делают метатели молота. Можно из-под руки. Можно прямым выпадом. Или черенком вперед... При некотором умении можно метать это орудие ногой.

- Это как?

Инструктор поставил лопату вертикально, отвел ногу чуть назад, заведя мысок ботинка за черенок, и вдруг, как будто споткнувшись, стал припадать вперед и, зацепившись ногой за верхний срез лезвия, одновременно откинул рукой назад черенок, резко толкнул лопату вперед, как если бы пинал мяч.

Лопата, пролетев несколько метров, врубилась в мишень.

Строй уважительно загудел.

- Конечно, попасть с ноги точно в яблочко сложно, но в человека с трех-четырех метров вполне вероятно. В чем главное преимущество лопаты? В том, что противник не ждет вашего нападения. Ведь у вас в руках садовый инструмент, а не карабин или шашка. Но чтобы атака была действенной, она должна быть

мгновенной и неожиданной. Вы не должны выдать свои намерения ни жестом, ни мимикой, вы должны разговаривать, улыбаться и, не меняя выражение лица, нанести удар. И главное... – Инструктор выдержал паузу. – Вы не должны бояться убивать. Учебные пособия на плац!

Принесли новые манекены. Привычных «петровичей». Но теперь к деревянным головам манекенов были приклеены фотографии людей. Лица солдат, но и гражданских тоже. Даже женщин. И детей.

– Не трудно убивать лопатой, трудно убивать человека. Живого, – сказал инструктор. – Страшно воткнуть штык лопаты в лицо. В глаза. В горло. И именно боязнь убить останавливает вашу руку, ослабляет удар. Вы должны привыкнуть убивать. Рефлекторно. Без оглядки на возраст, пол, внешний вид противника. Вы должны научиться наносить удар раньше, чем поняли, кто перед вами. Только так можно победить. И выжить. Вначале бить – потом думать!

И курсанты били. В фотографии солдат, женщин, стариков, детей. Били и били. Уже не обращая внимания, кто изображен на портрете, а лишь выискивая в них уязвимые точки – все те же глаза, шеи. Старались попасть именно в них. И попадали.

– Молодец, – хвалил курсанта инструктор. – Ты снес ей полголовы. Это хороший удар. Но он должен быть более жестким, чтобы острое не соскользнуло по кости...

И курсанты согласно кивали. И снова били. В женские, мужские, детские лица...

И, наверное, они считали, что теперь готовы быть убийцами. Быть бойцами. Но их инструкторы считали иначе. Потому что это был не конец учебы. Нет, не конец!.. Они слишком легко хотели отделаться...

* * *

– Лопата... Вот где мне эта лопата, – чиркнул себя поперек горла Сан Саныч.

– Да, не повезло, – вздохнул один мужик. – Это ж сколько тонн пришлось перекидать...

Но другой с ним не согласился:

- А чего не повезло-то? Я, например, свой АКС после каждой стрельбы... Чуть вконец не истер. А старшина, гад, тряпочкой в дуло. И в рожу мне!.. Патрон один раз потерял, так думал, меня в дисбат на два года уроют. Ладно губой отделался. А лопата - что... Ткнул - бросил. Ткнул - бросил. Сломал - выбросил. Милое дело.

- Это да, - согласился Сан Саныч. - Милое дело. Лопата...

* * *

Личный состав выстроили на плацу. И туда же вывели... собак. Всё больше беспородных.

- Это ваши четвероногие друзья, - сказал инструктор. - Вполне симпатичные псины, которых вы убьете. Но не теперь, через три дня.

- Почему через три?

- Потому что три дня - сегодня, завтра и послезавтра - вы будете кормить их. Ласкать. Гладить. Играть с ними. Каждый со своей.

- Зачем? - удивились курсанты. - Зачем кормить, если потом прикончить?

- Затем, что если вы их покормите и приласкаете, вам труднее их будет убить.

Собаки сидели на плацу поскуливая и озираясь. Это были дворняжки и, в отличие от домашних псов, они не ждали от людей ничего хорошего. Но их обманули.

- Взять прикормку.

Курсанты взяли куски мяса и понесли собакам. Они кормили их, потом гладили и играли с ними. Каждый со своей. Инструктор внимательно следил, чтобы никто

не отлынивал от исполнения своих обязанностей. Курсанты должны были подружиться со своими жертвами. И псы поддавались. Потому что были сыты, потому что получали мясо из рук своих новых хозяев, которые трепали их за ухом и гладили животики. Собаки влюбленно глядели на людей, виляли хвостами и всячески демонстрировали свою преданность. Наверное, они решили, что попали в собачий рай.

Но наступил третий день. Тот самый.

- На исходные!

Собаки были привязаны к колышкам, вбитым в землю. Они еще ничего не понимали, они тявкали и виляли хвостами. Они были всего лишь питомцами, хоть и битыми-перебитыми собачьей жизнью. Они доверились людям.

- Приступить к упражнению.

Это было не убийство, всего лишь упражнение. Просто упражнение. Курсанты подхватили лопаты и пошли к собакам. Каждый к своей...

Собаки стали тявкать сильнее, рваться навстречу хозяевам, которые кормили их мясом. Они радовались встрече.

- Работать!

Первый удар был самый легкий. Он раскроил надвое ничего не подозревавшую дворняжку, которая даже не поняла, что случилось. Она умерла легко. Другие - трудно.

Собаки учуяли запах свежей крови и внутренностей и рванулись с привязи. Собачий рай обернулся собачим адом. Этих собак убивать было трудно. Они крутились, визжали, пытались кусаться, увертывались от лезвий лопат. Они хотели вырваться, они хотели жить. Но их рубили, их добивали, резали на куски.

Своих собак...

Еще труднее было убивать дворняжек, которые сидели смиренно, испуганно заглядывая людям в глаза. Они ничего не понимали, не соображали, зачем их убивают, они хотели понравиться своим хозяевам, хотели загладить свою вину, которую за собой не знали. Они вымаливали пощаду, норовя лизнуть карающую их руку.

Их убивали, глядя им прямо в глаза.

У кого-то из курсантов выступили слезы.

- Отставить сопли! - рычал инструктор. - Добивать собак!

И курсанты добивали.

Сухая земля алела и жадно впитывала кровь. Лопаты взлетали и опускались, шинкуя уже мертвую плоть.

- Нормально, - сказал инструктор. - Молодцы. Теперь вы сможете убивать. Теперь вы сможете убивать не только собак.

Упражнение было закончено.

* * *

- Эй, Сан Саныч, ты чего?

- Я? Так, задумался...

- О чем?

- О жизни.

- Меньше думай, дольше жить будешь.

- И лучше. Ну что, еще по одной? За Сан Саныча и его стройбат?

- За «два солдата из стройбата, которые заменяют экскаватор». Заменяют, Саныч?

- Запросто.

- Ну, поехали.

Подняли, опрокинули, крякнули, зажевали. Заглянули в капот.

- Н-да... Амбец мотору.

- Полный.

- Окончательный.

- Точно.

На том диагностика двигателя закончилась.

- А вот у нас, в морфлоте, если тельник грязный... Боцман... Во все, блин, клюзы... по самый топ...

- Ха, у нас в войсках дяди Вани, в ВДВ, когда ботинки... Старшина... В положение мордой в плац... И три часа...

- Да ладно, у нас ротный был, если кровать плохо заправлена, если хоть морщинка, он всю роту наклонял и, что ни попадя, через все отверстия рвал. Такой ротный...

- Да, армия - это вам не гражданка...

Дошла очередь до Сан Саныча, который тоже что-то должен был сказать. Насчет тягот службы. Потому что если где-то собираются несколько бывших воинов, они обязательно выясняют, у кого служба была круче. «Это вас е... мели?! - кричат, горячатся они. - Это нас е... ели! Так имели. Во все дыры!.. - Впрочем, через пять минут они так же горячо доказывают друг другу: - Это вы борзели? Ха, это мы

борзели! Так борзели!..» И каждый в этой дискуссии обязан поучаствовать. Такая традиция.

И все посмотрели на Сан Саныча.

- Нас тоже, - сказал он. - Ну, не так чтобы. Но все-таки... Туда же...

И всё?

- А вы хоть строем ходили?

- Когда как...

- А в наряды?

- Бывало.

- Что ж это за служба? Это, считай, гражданка.

- Ну да, - кивнул Сан Саныч. - Почти гражданка... - И он как-то виновато пожал плечами.

- Ну, а форма? За форму-то хоть гоняли?

- За форму? - Сан Саныч на мгновение задумался. - За форму гоняли. Еще как...

* * *

Строй стоял на плацу третий час. Стоял кое-как. И в чем попало. Не в гимнастерках. Не в шинелях. Не в сапогах. Черт знает в чем стоял! В футболках, косухах, ватниках, плащах, пиджаках, застегнутых не на все пуговицы. Это была какая-то мосфильмовская массовка. Но это была не массовка.

- Пословицу слышали: по одежке встречают? - спрашивал очередной, но не последний инструктор. - В ней же, если промашку дал, и провожают - на

кладбище.

Строй внимал.

- Вот ты - подойди сюда.

Крайний курсант вышел из строя. Протопал несколько шагов. Повернулся. Курсант был в костюме-тройке, при бабочке и в лакированных штиблетах.

- Тю, - сказал инструктор. - Где ты видел, чтобы джентельмены строевой шаг отбивали? Других занятий у них нет, как каблучками о плац стучать. Джентельмен ходит, себя уважая, а ты топчешь, как колхозник! Джентельмен - это не одежда, это диагноз. Их в ту, в нашу, революцию на раз матросики распознавали и тут же в распыл пускали. Потому что - походочка! И жесты. И взгляды... Характер одежда делает! Ну так доверься ей! Почувствуй обувку! У тебя ботиночки за полтыщи баксов! Их носить надо, а не загребать ими на манер граблей и не шаркать по земле! Такие ботиночки как носочки шелковые на ноге сидят - не слышно! Это как босиком ходить, а ты стучишь! Почувствуй свою обувь. И костюмчик валютный. В таком не ходят, такой - носят! А ты как в ватнике! Пройдись, ощути свой прикид. Он сам тебя поведет, сам тебе походку выправит! Понял? Встань в строй! А теперь - выйди из строя.

Курсант теперь вышел не спеша, любя и ценя себя.

- Вот, лучше. Только рожу подрихтуй. Джентельмены так лицо не носят. Не переигрывай. Сдержанней! Джентельмена удивить нельзя. Ничем! А коли даже удивишь, он этого не покажет. Хоть из пушки над ухом пали, он глазом не моргнет. Потому что ему имидж жизни дороже... Им руки рубят, а они улыбаться должны! Такие они истинные джентельмены... Теперь ты.

Из шеренги вывалился блатного вида парень и, загребая мысками и поплеывая на ботиночки, побрел вдоль шеренги к командиру, скалясь и зыряка глазками. И командир, весь как-то изменившись, стал похож на пахана с двадцатилетним криминальным стажем.

- Ну, ты чего, ты откуда приканал, фраерок, с какой кичи? - поинтересовался он.

- С зоны откинулся, - ответственвал «фраер». - Вчистую.

- Ой ли? - засомневался «пахан». - Сдается мне, что ты, фраерок, лягаш, и надобно тебя через то жизни лишить, на перышко поставить. Ясно? - Уже не «пахан», инструктор спросил: - Ты где такую походочку срисовал? Где таких манер набрался? В детективах? Блатные так не ходят. И не говорят. Так лохи последние себя ведут. Любой урка тебя в айн момент срисует и к параше приставит! Усёк?

- Так это... Да ладно, начальник.

- То-то... Пшёл в строй!

Сникший «фраер» побрел на свое место.

- Вы что, ребятки, мне тут театр разыгрываете? Погорелый. Или вы народные артисты? Или вам телевизионная слава покоя не дает? Тогда вам не сюда, тогда вам в ящик рожи скалить и глазки пучить! В жизни так не играют. В жизни вас на третьем слове расколют. Что вы переигрываете? Что вы мне тут карикатуры корчите, что вы морды перекашиваете, будто вас шершень под хвост укусил? Берите тоном ниже. Вот ты - пошел!

Курсант в тельняшке и черном бушлате шагнул вперед.

- «Моряк вразвалочку сошел на берег»? Не ходят так моряки. Нормально ходят, обыкновенно. Не надо мне тут клешами асфальт мести. Где ты вообще эти штаны раздобыл?

- Старшина дал.

- А если бы он тебе рейтузы выдал? А впрочем, и рейтузы... Ты, который в платье. Иди сюда... Ты что, баб не видел? Ни одной? Разве так они ходят? Бабы себя несут, окружающему миру демонстрируя, чтобы все их видели, чтобы оценили. Ни секундочку о зрителях не забывают. Даже если вокруг нет ни единой души! Вот так... - И инструктор сделал проходочку, слегка шевеля бедрами и постреливая глазками. - Понял?

– Я что, голубой, что ли?! – возмутился курсант.

– А хоть и голубой. Лучше быть живым голубым, чем мертвым трупом! А ну – пошел!

Курсант пошел.

– Ты баба, простая баба, а не кинематографическая шлюха. Не вихляйся. И с каблучков не падай. Видел, как тетки на шпильках бегают – и хоть бы фиг им, хоть бы одна свалилась! А у тебя платформы, вполне себе носимая обувь! А ну, еще раз. Да так, чтобы у каждого из твоих приятелей интерес к тебе поднялся, чтобы им тебя за все возможные места ухватить захотелось. Иначе какая ты баба – недоразумение в юбке. Тебя любой мужик за версту расшифрует. Я уж не говорю про баб. Те самые опасные, те зорко друг за дружкой следят – ни одной промашки твоей не пропустят! Каждую срисуют! А ну, еще раз пошел! Мягче, мягче... Оглянись, прическу поправь, крутнись чуток, на тебя же мужики смотрят! Ну и что товарищи твои? Или они не в штанах? Или у них ничего в штанах? Пошла, пошла... Если ты в свою женскую неотразимость не уверуешь, то кто тебе поверит? Хрен кто поверит. Ты сама себе должна понравиться, а уж потом всем прочим! Игра начинается с веры, а не с костюма. Пошла, пошла... Ах, какая девушка – пэрсик! Ах, как идет, как бедрышками танцует, как попкой трясет! Вах! Хочу тебя прямо теперь! Вот это совсем другое дело. Так и ходи! Теперь – ты!

Из строя вышел инвалид. Пошел, хромая и подволакивая ногу.

– И ты думаешь, я тебе поверю, ты думаешь я тебе подам? Самострел! Инвалид – это больная голова, а не отсутствие ноги. Продумай свою биографию, поплачь, пожалей сам себя, судьбинушку свою горькую. Обидься на весь мир. Отчего несправедливость такая – все с двумя ногами, а ты на одной ковыляешь? Они при бабках, а ты у них подаяние просишь! От этого и пляши... на своей культяпке. Пошел, пошел!..

Каждый день курсанты меняли костюмы и обличье. Каждый день они должны были иметь такую походку, какую требовала их одежда. И наблюдать друг за другом. И общаться друг с другом. В образе. И казалось, что это веселый маскарад. Но это было не так. Никому не было весело, потому что за ошибки в походке, мимике, одежде их наказывали. В учебке – нарядами. После –

лишением жизни. Такая учёба. Такая служба...

- Вольно, бойцы!

Потому что всегда «вольно»! Потому что за «смирно» здесь наказывают. Потому что от этих воинов не должно отдавать солдатчиной. Они не ходят строем, а только толпой, и команды отдают, глотая слова и бормоча, а не коротко и чётко. И подворотнички не подшивают, так как нет у них гимнастеров, а только гражданское платье.

- Почему ремень затянут? Отвечать!

- Так, товарищ стар... товарищ Семен Владимирович... Я по привычке...

- По привычке? Хреновые у тебя привычки! А ну, вольно! Ножку отставь, ручку в карман сунь. Пуговку расстегни. И рожей не мертвей, расслабься, ухмылочку изобрази. Да попоганей. И не стой как чурбан, шевели ножками-ручками. Ну что за долбодон! Я выколочу из вас армейские привычки!

И выколачивал!

- Кто, вашу маму, так кровать заправил? Кто рантик стрункой навел? Кто эта гнида? Ты?

- Так точно!

- Что?!

- Ой, забылся... Ну, допустим я. А чего такого-то?

- Вот так-то лучше. А то «так точно». Я за «так точно» точно в нарядах сгною. Усёк?

- Так т... Ну да, кажись, въехал.

- За сколько секунд раздеваешься?

- За тридцать пять!

- Совсем хреново! Будешь за три минуты.

- Но, товарищ... Семен Владимирович. Нас учили...

- А я отучу! На то я здесь и поставлен, чтобы из вас людей сделать. Людей, а не солдафонов. Ясно?

- Так... понятно всё объяснили.

- Тогда иди сюда... Твоя кровать?

- Ну...

- Правильный ответ. А теперь заправь ее как следует! - И Семен Владимирович рванул с кровати одеяло и простынку и пнул подальше подушку. - Время пошло!

Курсант схватил простыню, стал, аж язык на плечо, натягивать ее на матрасе, выравнивать, выглаживать складочки.

- Не понял! - удивился старшина. - Я сказал «время пошло», а не поскакало. Пешим порядком пошло. Ме-е-дленно... Тебя, парень, видно, в армии передручили. Откуда тебя к нам?

- Из ВДВ.

- Тогда ясно. Изуродовали пацана. Придется с тобой повозиться. Давай еще разок. - И старшина вновь сбросил постель на пол.

Теперь курсант заправлял кровать не спеша, с ленцой, кое-как. Теперь одеяло не лежало а топорщилось многочисленными буграми и складками. Но в нормативы курсант всё равно не уложился. Поспешил чуток.

- Ну ты, торопыга. У тебя папа, наверное, летчиком был? А ну еще разок. А все смотрят и запоминают.

Постель слетела на пол.

– Время пошло...

Утром казарма поднималась зевая, почесываясь и вздыхая. Но кто-то по привычке соскакивал рывком и начинал судорожно нашаривать гимнастерку.

– Ты что, сынок, прыгаешь? Ты что, козел горный? Тебе чего не ложится? Что у тебя за шило в том месте? Ты где видел, чтобы гражданская шваль с кровати скакала? Полежи, подремли, подумай о дне грядущем. Отбой, сынок! И всем – отбой. Из-за этого вот долбодона.

И взвод, зло косясь на нерадивого курсанта, забирался в койки.

– А теперь, сынки... подъем! Не спеша, с ленцой, как у мамки вставали. У мамки, поди, не торопились...

Взвод выбирался из коек.

– А ты чего оделся? Так быстро? У тебя что, пожар? Или тебя на своей бабе муж застукал? Чего ты в порты с разбегу прыгаешь? Из-за твоей прыткости теперь всем...

Отбой!..

Подъем!

Отбой!..

И все кровати стараниями старшины скоро выглядели как надо – черт знает как!

– Вот это славно. Совсем другое дело, – хвалил старшина личный состав. – И если еще увижу!.. Хоть у кого-нибудь! Урою весь взвод!.. Ясно, сынки?

– Ну так чё... Ну конечно... Да понятно, блин...

Всё здесь было шиворот навыворот. Всё наперекосяк!

– Стройся!

Подразделение встало не сразу, не по росту, не в две шеренги, не быстро. Встали кое-как, толпой.

– Хорошо! – похвалил старшина. – Теперь всем вольно. Еще вольнее! Ну, то есть совсем...

И все расслаблялись, втыкали руки в карманы, и подразделение уже не выглядело как вышедшее на построение воинское формирование, а напоминало тусню гражданских недоносков перед ночным клубом.

– Вот, теперь это на что-то похоже. А сейчас в столовую шагом... не в ногу, не строем, без песни, потихоньку, пошли, ребятки...

Столовая была типично армейская, щитовая, с тамбурным входом, покрашенная серой шаровой краской. А вот внутри... Ни хрена себе!

Вчера они принимали пищу... Ну, то есть кушали в типичной заводской столовке с металлической стойкой, грязноватыми подносами, плохо вытертыми сальными столами и толстыми тетками-поварихами, которые орали: «Маша, тефтели готовы? У меня компот кончился! Компот принесите кто-нибудь!»

А сегодня...

Жирных столов не было, были изящные столики, покрытые крахмальными скатертями, были салфетки и приборы, играла музыка, и какой-то мужик в пиджаке и галстук-бабочке вежливо им улыбался.

– Рад приветствовать вас, молодые люди, в нашем заведении, – встретил он личный состав.

Вообще-то это был все тот же «петрович». Но живой и одет с иголочки.

Толпа курсантов растерянно замерла на пороге.

– Проходите, молодые люди, – пригласил широким жестом метрдотель. – Прошу-с...

– Ну, чего встали как бараны? А ну, шагом!

Метрдотель укоризненно посмотрел на старшину и перевел взгляд на курсантов.

– Вы столик заказывали?

– Мы? Нет! – испуганно замотали те головами.

– Вы чего тупите? – возмутился старшина. – Заказывали они. А ну, сели за столики.

Курсанты повалили в зал.

– Ай-яй-яй, – покачал головой метрдотель. – В ресторане себя так не ведут. Вы должны зайти, оглядеться, выбирая столик, подойти к зеркалу, поправить прическу...

– А ну, вышли и зашли, как положено! – рявкнул старшина.

Все вышли. И зашли, как положено. И еще вышли. И опять зашли. И еще... Наконец расселись за столиками. И стали хватать и вертеть блестящие вилки и ложки и, посыпая солью, жевать хлеб.

– Господа!.. Вашу мать... – сказал метрдотель. – В ресторане не хавают хлеб. И вообще не жрут, как свиньи! В ресторане проводят досуг и общаются в приятной компании. Старшина?

– Встать! – рявкнул старшина. – Упор лежа принять! Отжимание на время! Время пошло!

И на полу, между крахмальными скатертями, быстро замелькали спины.

– Благодарю вас, Семен Владимирович.

– Не за что, – отвечивал старшина. – Если нужно что – обращайтесь, не считите за труд.

– Всенепременно. А теперь, господа, прошу обратить внимание на приборы на ваших столах...

Приборов было чуть ли не три десятка. Знакомы из них были два – вилка и ложка.

– Теперь, господа, я хочу посвятить вас в некоторые нюансы сервировки столов в приличных заведениях традиционной европейской кухни.

И от такого к ним обращения курсанты пугались больше, чем если бы их посылали по матушке, грозя вырвать отсутствующие у них женские половые органы через все имеющиеся у них физиологические отверстия.

– Итак, господа, что это за предмет? Который я вам ранее показывал.

– Это щипчики для разделки омаров.

– Прекрасно, господа, прекрасно. Хотел бы увидеть, как вы владеете данным инструментом.

И на столах появлялись здоровые такие раки. Ну, очень здоровые! И тоже красные.

– Прошу, господа! И прошу вашего внимания...

И метрдотель стал показывать, в какую руку надо брать щипчики, в какую ножичек и как пилить этого монстрообразного атлантического рака.

Курсанты брали щипчики и ножички и пилили и кромсали деликатесное блюдо, притискивая его к тарелке руками. А кое-кто по-быстрому выковыривал мясо пальцами.

– Семен Владимирович, – обратился страдающий метрдотель к старшине, – объясните юношам...

– С превеликим нашим удовольствием, – отвечивал старшина. – Сынки, упор лежа принять! И...

Через неделю личный состав разделявал омаров и прочую экзотическую гастрономию вполне убедительно, как если бы они всю жизнь воспитывались в семьях английских лордов. Молодежь, если через упор лежа, обучается на раз-два.

– Благодарю вас, господа. Надеюсь, вам понравилось наше заведение и вы непременно посетите нас еще в самое ближайшее время.

«Ближайшее время» случилось на следующий день. Теперь в столовой был совсем другой интерьер – кают-компания среднестатистического рыболовецкого траулера, с привинченными к полу стульями, с иллюминаторами, намалеванными на стенах. И давешний метрдотель в грязном засаленном фартуке поверх тельняшки метал на столы с высоким бортиком тарелки, кружки и сердито орал:

– Борщ вам не нравится? А я по раскладке... Если кого с меню воротит, то я счас старпома позову! Или, может, вам омаров предложить?

И курсанты рубали флотский борщ и котлеты, обсуждали план путины, пересыпая свою речь флотскими жаргонизмами.

Потому что – такая служба.

Почти гражданка...

* * *

– Ну всё, мужики, пойду я, – вздохнул Сан Саныч. – А то жена... – и безнадежно махнул рукой.

- Ну иди, коли надо, - сочувственно кивнули мужики. - Может, на посошок?

- Не... Хватит. Дай лучше апельсином зажую. Учует Зинка - полвечера мозг выносить будет.

Сан Санычу протянули дольку апельсина.

- Ну всё, мужики, нет меня. - И Сан Саныч ушел.

- Да... - сочувственно вздохнул кто-то. - Загнала Зинка мужика под каблук. Не повезло.

- Это точно...

Сан Саныч шел по вечерним улицам, ни о чем не думая, ничего не желая, никуда не спеша. Шел себе и шел. Потому что в свой законный выходной.

- Ты что так рано? - удивилась жена.

- Так ты же сама просила пораньше.

- Что, добавки не было? - догадалась Зинка, обнюхивая супруга.

- Какой добавки?

- Той самой! - хлопнула она себя пальцем по шее. - А то вернулся бы ты!

- Ну что ты, в самом деле, - вяло возмутился Сан Саныч. - Мы с мужиками карбюратор... Ну еще поговорили маленько. Армию вспомнили.

- Кто «армию»? Ты «армию»? Ты же в стройбате служил, раствор месил. Ты всегда был неудачником. И как меня, дуру, угораздило! У всех мужики как мужики, а у меня... Вон у Тамарки... И у Верки... Правильно мама...

Сан Саныч вздохнул и пошел в гостиную. Где были кресло и телевизор.

- И ночью ко мне ни-ни! - вдогонку прокричала жена.

- Это почему?! - возмутился Сан Саныч. Так как должен был возмутиться.

- Потому что дверцу на кухне не починил, - злобно ответила жена. - Вот почему!

- Злая ты, Зинка.

А-а впрочем, обычная, среднестатистическая. Какая и должна быть.

Сан Саныч включил телевизор. Там шла стоочередная серия не понять какого сериала, в которой играли артисты - не вспомнить по фамилии, но с знакомыми по другим сериалам физиономиями. Они беспрестанно что-то говорили.

- Завтра в ЖЭК за справкой зайди! - крикнула сунувшаяся в дверь жена.

- Когда я успею?! - возмутился Сан Саныч.

- После работы. ЖЭК до восьми работает.

- Может, лучше послезавтра?

Жена встала между мужем и телевизором, заслоняя собой экран.

- Нет, завтра! Мне справка еще позавчера нужна была. Завтра!

- Ладно, зайду, - примирительно сказал Сан Саныч. - Раз надо.

- Вот и зайди! - торжествующе завершила диалог Зинка. - А ночью всё равно ни-ни. Как-нибудь сам обойдешься...

Утром Сан Саныч пошел на работу. Где что-то строгал, а после клеивал. Кажется, кресло. В обед жевал принесенные из дому бутерброды. И снова строгал. И клеил. За свою работу он получал зарплату, которую забирала жена. Как у всех. И еще он заначивал рублей пятьсот на пиво. Как многие. И вечером пил с друзьями во дворе, на детской площадке, в беседке. Как обычно. И

жаловался на жизнь. Как все жаловались.

- Достала меня Зинка, - говорил он. - Вконец.

- Так разведись, - советовали ему.

Потому что все так друг другу советовали. Но никто не разводился.

- А дети? Дети меня любят. И где потом другую найти? А если найти, то она, может, еще большей стервой окажется?

- Это да, - соглашались мужики. - Другая хуже может оказаться. Вон Петро развёлся, молодую нашел, а она у него полквартиры оттяпала и рога навесила, что твоему сохатому. Короче, один хрен - к старой жинке вернулся.

- Ну да, - соглашался Сан Саныч. - От дерьма дерьма не ищут.

- Точно...

После работы Сан Саныч пошел в ЖЭК, но там его не ждали. И вообще людей не любили, в особенности жильцов.

- Чего надо?

- Справку бы мне.

- А задолженность по квартплате имеется?

- Нет, я вовремя плачу.

- Идите в шестое окно, несите выписку.

- Из чего?

- Там скажут.

Там не сказали, там спросили:

- Что надо?

- Выписку.

- Из чего?

- Сказали, вы знаете.

- Где сказали?

- В третьем окошке.

- Они там что, с ума все посходили? Идите, скажите им, что мы выписки не даем.

- А кто дает?

- Вот в третьем окошке вам и скажут.

- Но они к вам направили! - начал кипятиться Сан Саныч. Потому, что пора было кипятиться.

- Они там точно сдурели... Ладно, ступайте в седьмое окно, скажете, что вас послали из третьего.

- Но вы шестое!

- А вы скажете, что с третьего, потому что мы выписок не даем. Идите!

В седьмое окно была очередь. Человек сорок. Но дома была Зинка. Сан Саныч встал в хвост очереди. Он стоял, переступая с ноги на ногу и глядя на свои ботинки. Взять бы их, снять... оторвать каблук и... вырезать печать. На эту самую справку. Шлёпнуть - и всех дел...

* * *

– Зачем нам подделывать справки? – спросили курсанты.

– Затем, что вам может понадобиться бумажка, которой у вас нет. Например, пропуск на секретный объект. Или рекомендательное письмо. Или справка из комендатуры.

– Какой комендатуры?

– Вероятного противника. Того самого, который захватил часть вашей страны и выдает справки оставшемуся на оккупированной территории населению. И, не имея такой справки, можно запросто угодить в подвалы контрразведки. Или быть застреленным патрулем во время комендантского часа. Ясно?

– Так т...! Ну да, ясно.

– Какие вам могут понадобиться документы? Подойдем к стендам.

Документов была хренова туча. Паспорта, пропуска, выписки, справки, письма, бланки, визитки... Отдельно шли печати: круглые, треугольные, прямоугольные, гербовые – с гербами полсотни стран, штампы...

– Требуемую вам бумагу с печатью, подписью и всеми прочими реквизитами проще всего изготовить с помощью цветного принтера и сканера, – сказал инструктор. И поднял две бумаги. – Который здесь оригинал, а который подделка? Смотрим.

Документы на вид были совершенно одинаковые.

– Этот...

– Нет, вот этот...

Фальшивка оказалась лучше оригинала, потому что все выбрали ее.

- Теперь вы создадите аналогичный документ. Прошу...

В классе на каждом столе стояли принтеры, сканеры и прочая оргтехника.

- Берем чистый лист бумаги и...

Через сутки, пару раз отжавшись от пола, курсанты научились более-менее уверенно сляпать фальшивку.

- Молодцы. А теперь забудьте о принтерах.

- Почему? - удивились курсанты.

- Потому, что там, за линией фронта, у вас не будет принтеров, сканеров, ноутбуков и даже пишущих машинок. Ничего не будет.

- Как так?

- На оккупированной территории вся оргтехника будет изъята в течение суток под страхом смерти. Жители сами отнесут их на пункты сбора. А кто запоздает - повиснет на городских фонарях в назидание ослушникам. Таковы законы войны! Это драка, деточки, а не именины.

Все притихли.

- Так мы что, подпольщики?

- Пока вы никто и звать вас никак. Но если случится война, то вы будете призваны особым приказом и будете переправлены в тыл врага. Хотя в ваших военных билетах в графе «род войск» будет стоять - «стройбат». И если вы усвоите преподанные вам здесь уроки, погибнете не сразу и успеете выполнить приказ!

- А зачем тогда сканеры? - тихо удивился кто-то.

– Затем, что в лесах будут развернуты партизанские соединения. Со своими штабами и особыми отделами. Там будут сканеры и принтеры, потому что уже теперь они, на случай войны, законсервированы в лесных схронах. Там, у партизан, вы сможете использовать данные вам навыки. Но не в городах. В подполье у вас не будет ничего, кроме подручных средств, которые использовали наши дедушки еще на той, последней большой войне. Например... – Инструктор ткнул пальцем вниз. – Ботинок. Не весь, только подошва и каблук, они должны быть из натурального каучука. Собираясь за линию фронта рекомендуется надевать дорогую обувь из натуральных материалов, а не китайскую дрянь. Берем каблук... – Инструктор взял каблук. – Берем скальпель. Не просто берем, вот так берем, – показал он. – И медленно, направляя и подталкивая инструмент большим и указательным пальцами второй руки, срезаем первый слой резины. Пробуем...

Печати получались кривые-косые, со срезанными, несуразными буквами. Но это в первый день. На третий – буковки подровнялись. Через неделю перестали прыгать в строчках. Еще через пару дней приобрели более-менее приличный вид.

– Ну вот, другое дело. Конечно, при тщательном изучении враг распознает подделку, но где-нибудь на улице, в темноте, под светом случайного фонаря – вполне вероятно, что нет. А еще можно подделывать печати с помощью сваренного вкрутую куриного яйца, парафина или ингредиентов, купленных в любых аптеке или хозмаге...

Оказывается, и так можно! И еще не так...

– А теперь эту печать нужно поставить на документ. Вот на этот, – махнул какой-то бумажкой инструктор. – Подходим по одному. Смотрим. Десять секунд. – Он развернул документ. – Раз. Два. Три... Десять! – Инструктор убрал бумагу. – Теперь берите чистый лист и постарайтесь восстановить вид и содержание документа.

– А можно его сфотографировать?

– Чем, позвольте спросить?

– Мобильником.

- Вы предполагаете, что на войне будут мобильные телефоны? Вы всерьез? Первое, что сделает враг, разрушит все ретрансляционные вышки и изымет у населения телефоны. Равно как оружие, автотранспорт, радиоприемники и...

- Оргтехнику.

- Верно. У побежденного народа не может быть телефонов. Следующий. Смотрим. Раз... два... три... Довольно. Запомнили?

- Нет. Десять секунд мало.

- А вы думаете, враг предоставит вам образцы пропусков на неограниченное время? И еще лампой подсветит? Нет! Всё, на что вы можете надеяться, - это бросить взгляд на интересующий вас документ. Увидеть, запомнить, перенести на бумагу. И никак иначе. Время пошло! Раз... два...

* * *

Сан Саныч возвращался домой. После честно отработанной, в здоровом трудовом коллективе, смены. Шел в свою почти образцово-показательную семью, потому, что был примерным семьянином и отцом. И вообще он вел очень правильный и положительный образ жизни, примерно как передовик производства и член низовой партийной ячейки времен брежневского застоя. И с какой стороны его ни пощупать - не зацепишься. Не передовик, но и не прогульщик. Не пьяница, но и не трезвенник - позволяет себе в законные выходные стакан-другой, но не больше, при этом в подворотнях не валяется и домочадцев в пьяном угаре не гоняет. В школу на родительские собрания ходит. Собаку выгуливает. Взносы по ипотеке платит исправно. Власть ругает умеренно, выше ЖЭКа не задираясь. На выборах голосует за партию большинства. Соседи, сослуживцы, собутыльники и старушки во дворе его любят. Участковый держит на хорошем счету. Антиобщественных поступков он не совершает, в лидеры не рвется, предпочитая ходить в середнячках. Вполне себе законопослушный, среднестатистический гражданин, на которых страна держится.

И вот теперь усталый, но счастливый идет Сан Саныч домой, чтобы съесть свой честно заработанный ужин, проверить у детей уроки, погладить их по головам,

посмотреть свой любимый сериал и лечь спать с законной женой, у которой сегодня, может, даже голова не болит. Идет и знать не знает, что за углом его поджидает неприятность. В виде трех сильно подвыпивших граждан асоциальной внешности, которым на третью бутылку не хватает.

- Опачки! - сказал один гражданин, узрев идущего им навстречу прохожего.

- Это денежки к нам пешком идут! - обрадовался другой.

Намечалось продолжение банкета.

- Мужик, у тебя бабки есть? - вполне миролюбиво спросили асоциальные личности. - Поделись.

- Откуда? - развел руками прохожий. - У меня жена и дети. И проценты по ипотеке.

- А ты поищи, - посоветовали личности.

Прохожий вывернул карманы, наскреб пятьдесят рублей.

- Мало, - пожаловались хулиганы. - Может, у тебя еще тыщёнка-другая завалялась? Давай поищем. Вместе. - И полезли ему в карманы.

Прохожий не сопротивлялся. Хотя очень хотел. Ударить правого локтем в кадык, левого кулаком в переносье, заднего достать ногой в пах, и можно идти дальше. Пустяшное дело. Пьяницы вывернули у него карманы. В карманах ничего не нашлось. А смиренность жертвы рождала агрессию.

- Ну ты, дядя, гад! - сказал один из хулиганов и ударил Сан Саныча кулаком в лицо.

Тот охнул и опрокинулся навзничь. Удар был нешуточный. И был хорошо поставлен.

- Вы что делаете, ребята? - заныл Сан Саныч. - Зачем бьёте? Возьмите что хотите.

Но хулиганы не унимались. Им уже не хотелось водки. Им нужна была кровь. Кровь вот этого случайного прохожего.

Чёрт, как всё нехорошо обернулось...

Сан Саныч быстро оглянулся. Улица. Чуть дальше фонари. Но всё равно светло, слишком светло. В любой момент могут появиться прохожие. И еще где-то есть видеокамеры. Теперь на каждом шагу, у дверей каждого магазина понатыканы камеры. Нужно уходить.

- Ну, ребята, ну отпустите! Ну, Христом Богом! - взвыл прохожий. И вдруг резко дернулся и побежал.

Но хулиганы оказались шустрými и явно не новичками в уличных потасовках. Один в прыжке ухватил его за пиджак, цепко повиснув на спине. Сан Саныч быстро протащил его с десятков шагов, не обращая внимания на тумаки.

- Ну, вы чего, чего?.. - ныл и просил он о пощаде, занимая наиболее выигрышную позицию в тени кустов.

- Ну ты, дядя, вконец достал! - не вытерпел один из хулиганов.

В руках у него блеснул нож. Да нет, не нож - заточка! А это уже было серьезно. Эти пьяницы не пугали, они готовы были убить. Распалить себя и ткнуть заточкой под ребра! Здесь, в кустах, куда он их затащил, они перестали бояться случайных свидетелей. Похоже, он переиграл сам себя.

- Да вы что, вы что, ребятки?.. - лебезил, плакал Сан Саныч. - Хотите часы? Вот часы - берите. - И стал снимать часы.

Но бандитам не нужны были его часы. Им нужна была его жизнь. Часы они могли снять и после. С трупа. Хмель и безнаказанность распалили их. Один впереди, с заточкой, самый опасный. Второй сзади, за спиной, почти вплотную, готовится схватить его за руки, чтобы напарнику сподручней было всадить обездвиженной жертве в подреберье нож, еще один сбоку, в метре, отслеживает улицу - стоит на шухере - быстро и спокойно оценивал обстановку Сан Саныч. Есть секунда, может быть, две... Потом удар заточкой. И еще несколько, чтобы наверняка,

чтобы добить. После первого удара живым его они оставлять не будут. Что делать? Умереть? Драться? Что?

– Мочи его, Рваный! – свистящим шепотом крикнул тот, что притаился сзади.

Рваный отступил и пнул жертву ногой, целясь в живот. Всё. Раздумья кончились, дальше сработали инстинкты.

Сан Саныч поймал ногу, сильно, до хруста, крутнул за мысок, оттолкнул ее от себя, роняя противника и, резко повернувшись, зацепил еще одного хулигана локтем в висок. Пусть всё выглядит как случайность... Рваный, раскинув руки, рухнул затылком на бордюр. Плохо, мог и убиться! Его приятель кулем осел на месте. Этот ничего – этот минут через пять придет в себя.

– Ребята, ребята, отпустите, не бейте! – заорал Сан Саныч, оборачиваясь к третьему, стоящему на шухере бандиту. – Не бейте меня!

– Не трогай меня, дядя, не надо! – в свою очередь заверещал перепуганный до полусмерти бандит. И, ломая кусты, рванул прочь.

Сан Саныч быстро наклонился над поверженным врагом, ощупал окровавленный затылок. Нет, всё в порядке – придет в себя. Очухается, но вряд ли побежит в полицию. Не та фигура, чтобы заявления в ментовке писать. Всё, надо уходить. Сан Саныч быстро, по кустам, выскочил на соседнюю улицу. На свету пошел не спеша, степенно, чтобы не привлекать внимания. Теперь он сожалел о случившемся. Не о том, что на него напали – сие от него не зависело, а что он победил, что выжил. Это была слабость.

Он должен был позволить себя избить. Даже если до полусмерти. Даже если до смерти. Позволить себя отколотить, но не выказывать своих навыков. Позволить себя пырнуть ножом, по возможности подставившись не смертельно опасным боком. Но не защищаться! Не нападать! Это был закон. Непреложный и не обсуждаемый. Умри, но не наведи на себя, не выдай Тайны! Он должен был лечь на асфальт и получать предназначенные ему пинки и удары... И даже заточку в бок! Должен был!

Но девять лет... Девять!

Он нарушил закон. Он не хотел, он не готов был умирать. Просто так, от кулаков, от ножа случайных хулиганов. Он хотел жить. Потому что привык жить... За столько лет... И всё его прежнее прошлое осталось далеко, в той, другой биографии, которую он еще вспоминал, но как-то все реже и реже.

Девять лет... Целая жизнь..

Сан Саныч уходил от места баталии в противоположную от дома сторону. Он привычно путал следы, на случай, если его кто-нибудь заметил. Хотя вряд ли. Он сознательно и удачно утащил противников в кусты, где нет прохожих и нет случайных видеокамер. Он сделал всё грамотно. Но всё равно он всё сделал не так. Потому, что нарушил закон! Он спас свою жизнь, рискуя Тайной...

- Что с тобой? - спросила жена.

- Да так... - успокоил ее Сан Саныч. - Хулиганы. Пятьдесят рублей забрали. Ничего страшного.

Но жена не успокаивалась:

- Они же тебе всё лицо!.. И пиджак!.. Боже мой!

- Да ладно! Нормально, я тебе говорю, - хорохорился муж.

- Да где же нормально, когда у тебя кровь течет! И здесь тоже! Ну какой же ты у меня недотёпа. Всё у тебя не как у людей. - И она стала промакивать платком кровь.

Дети, подбежав, испуганно смотрели на папку, а потом прижались к нему и громко заплакали.

- Ну что вы в самом деле... - успокаивал, как мог, домочадцев Сан Саныч. - Это только с виду... А так пустяки. Как на собаке заживет!

- А если бы они тебя убили?

- Так не убили же.

- Надо в полицию звонить! - спохватилась жена. - Надо их найти! И посадить!

А вот этого делать было нельзя. Никак! Полиция могла зацепиться и начать разматывать происшествие, всё более удивляясь тому, что жертва отделалась легкими телесными повреждениями, а у двоих нападавших сломаны кости.

- Никуда не надо звонить! - замотал головой Сан Саныч.

- Но почему? Они же тебя чуть не убили!

- Пока не убили! А если я заявление напишу, их дружки меня подкараулят. Или тебя. Или, не дай бог, Ленку. Ты что, это же бандиты! И вообще никому ничего об этом не рассказывай, чтобы они не узнали, где мы живем. Обещаешь?

- Ну, ладно, - согласилась жена.

«Надо ее будет еще постращать, - подумал Сан Саныч. - Чтобы подругам не растрепала. И завтра с утра больничный взять. По ОРЗ. Отлежаться, подождать, пока раны затянутся... Или нет, не таиться, а, наоборот, аргументировать ссадины бытовой травмой. Расшибить разбитую физиономию, прикрывшись свежими ранами. Да, наверное, так. Лучше - так. Тогда никто не заподозрит, не сопоставит...»

Утром Сан Саныч в подъезде, спускаясь по лестнице, споткнулся и очень неудачно прокатился два лестничных марша, раскроив о ступеньки половину лица. Нужную половину. Приехавшая бригада «скорой помощи» только головой качала.

- Ты как это, мужик, умудрился-то?

- Да так, нога подвернулась, - отмахивался от уколов пациент. - С кем не бывает.

- С ним всегда так! - жаловалась, всхлипывая, жена. - Не понос, так золотуха. Непутёвый он у меня какой-то.

В отличие от вчерашнего вечера, Сан Саныч стонал, охал, хватался за раны и жаловался на злодейку-судьбу вполне законно. Сегодня он привлекал к своей травмированной особе всё возможное внимание, чтобы все видели и свидетельствовали. И Зинка со вчерашнего происшествия переключилась на сегодняшнее. Вчера что, вчера были пустяки, а сегодня, как ей должно было показаться, ее муж расшибся чуть ли не до смерти.

- Ты не представляешь, мой балбес с лестницы умудрился упасть! - рыдала она в телефонную трубку. - всю рожу разбил и ребро, кажется, сломал. Ну как меня угораздило за такого? Всё у него через... Правильно, мама...

Вот и славно!

* * *

По ящику шел боевик. Главный герой - симпатяга парень - молотил конечностями многочисленных вооруженных врагов, обворожительно улыбаясь в экран. Перемазанные кетчупом враги, издыхая, складывались в штабель. Сынок Юрка смотрел на творящийся на голубом экране беспредел открыв рот.

- Папка, а он правда так может? Всех поубивать? Один?

- Всех? Нет, всех невозможно.

Кинематографический герой начал укладку второго штабеля.

- Ну вон же, - ткнул сынок пальцем в экран.

- Но это же кино. В кино всё можно.

- А в жизни?

- В жизни они набили бы ему морду и напинали куда ни попадя, - объяснил папа. - Их же вон сколько, а он один.

- А если трое? Трех можно победить?

– И троих вряд ли, – высказал сомнение отец. – Трое одного угробят точно. Как он с ними может справиться, если их трое!

– А тот дядя мог! – вздохнул сынок.

– Да вранье всё это.

В комнату сунулась жена.

– Откуда твоему папаше про то знать, когда он в стройбате служил! Он с одним-то не справится. Он со мной не справится, потому что не мужик. А вот другие...

– Ну ты что, Зинка, такое говоришь? Пацан интересуется, а ты!

– А что говорю... Правду говорю! Ты лучше скажи парню, где ты деньги ему на новую форму возьмешь? Папаша!

– Выкрутимся как-нибудь.

– Ты выкрутишься...

Сынок не смотрел на папу и не смотрел на маму, он привык к их ругани. Мальчик не отрываясь смотрел на экран, где супергерой заканчивал штабелирование врагов...

На следующий день был выходной. Утром поехали на дачу.

«Жигуль», как ни странно, не глох, карбюратор не барахлил, глушитель не отваливался. На самом деле машина была в идеальном состоянии и могла дать фору иному «мерседесу», хотя внешне выглядела развалюхой. Как и должна была выглядеть.

Рассаду уместили позади, детей усадили в салон, лопаты и грабли привязали к верхнему багажнику. Вырулили на широкую, всю в лужах дорогу. Светило, слепя в лобовуху, солнце, на деревьях у обочин лопались почки. И даже гаишники куда-то попрятались. Хорошо!.. Рядом катили такие же, с граблями и лопатами,

«жигули» и иномарки. Все были радостны и оживленны. Горожане, лежавшие всю зиму на тахте, вырывались в поля и на огороды. Их ждали промороженные, заколоченные дачи и запущенные с осени огороды.

- Не гони, - строго выговаривала мужу Зинка. - У нас дети.

- Да не гоню я, шестьдесят иду! - лениво отбрехивался муж.

- Вот и не гони...

Дети возились и хихикали за спинами взрослых.

- Там желтый.

- Да вижу я, вижу...

Остановились перед светофором.

- А ты ключи от дачи взял? - спохватилась жена.

- Да взял, взял, - успокоил ее Сан Саныч.

- Зеленый, - показала Зинка.

- Да знаю я...

Тронулись. Впереди было два выходных на неотапливаемой, запылённой даче. Два дня счастья.

- Поворот не пропусти.

- Да помню я, помню. Что я, первый раз? Да я...

И вдруг... Как обухом... Как под дых!.. Наотмашь!.. На обочине щит. С рекламой. Чего-то там... Щит! И реклама... Не важно какая. Но цифры, цифры... Всё дело в цифрах!

- Ты чего? – испуганно спросила Зинка.

- Что? – не понял муж.

- Ты почему остановился?

- Я? А... Так мотор стучит. Посмотреть надо... – Сан Саныч дернул ручку, открыл дверцу, поднял капот.

И встал над открытым мотором. Спиной к нему. Он смотрел не на мотор, он смотрел на щит. Точнее, на цифры на щите. Точнее, на несколько, в длинной аббревиатуре цифр. Как же так... Почему? Почему именно сегодня?

- Ну, ты скоро там? – поторопила из салона жена.

- Да, сейчас.

Сан Саныч захлопнул капот, сел в машину, завел мотор, тронулся с места.

- Что это за реклама? – равнодушно спросил он, проезжая мимо и косясь на девицу, намалеванную на щите.

- Эта, что ли? – показала Зинка. – Не знаю. Она уже дня два висит. По всему городу. Прямо на каждом углу. И какой дурак столько денег вломил за такую ерунду? Кто это купит? Точно, деньги людям девать некуда...

- Да, некуда, – согласился Сан Саныч. – Для чего реклама, которая никому не нужна?

Грудастая девица на щите, завлекательно улыбаясь, предлагала купить изделие здмпА421-124-УСД... дробь 34 без посредников, по цене производителя и обязательно сегодня.

- Бред какой-то, – сказал Сан Саныч.

Хотя, может быть, единственный в городе, может быть, даже в Регионе, знал, что это не бред, и знал, кому и для чего нужна эта реклама.

- Ну, а ты что на нее пялишься? Девка понравилась? - захохотала Зинка. - Или хочешь эту хреновину купить? На свою зарплату?

- Нет, не хочу, - честно ответил Сан Саныч. - Точно, не хочу!

Возле ближайшего киоска печати он притормозил.

- Ты чего?

- Свежий футбольный вестник куплю.

Он купил «Вестник». И еще газету бесплатных объявлений, которую быстро пролистнул. Да! Есть! Объявление. Про какую-то ерунду, про симпатичную невесту семидесяти трех лет от роду, без жилья, которая ищет спутника жизни не старше сорока, с машиной, квартирой и дачей. Ну и что? Мало ли сумасшедших на свете? Но адрес, вернее, мейл lena421-124...

- Ну, ты скоро?

- Уже иду!

Они ехали по шоссе на дачу, на выходные, везя в багажнике выращенную на кухне рассаду. Ехали как раньше, как полчаса назад. Хотя всё изменилось, хотя мир перевернулся. По крайней мере в этой, отдельно взятой, семье. В их семье. В его семье.

- Не гони! - ругалась Зинка.

- Да не гоню я, не гоню.

- Вот и не гони...

На даче Сан Саныч вспомнил, что не выключил дома утюг.

- Да ты что? Да как же так? Растяпа! - забеспокоилась жена. - Вечно у тебя так. Сгорим ведь! Что теперь - обратно ехать?

- Да ладно, я сам. По-быстрому, - виновато предложил муж. - Час туда, час обратно. Всего-то.

- Час! За час от квартиры головешки могут остаться! Ну что за мужик у меня! Верно мама говорила...

Но он не стал ее слушать, просто отчего-то притянул к себе жену и обнял ее. Как тогда, как девять лет назад.

- Ты что? - растерялась Зинка.

- Ничего, просто так. Захотелось.

Зинка ошалело смотрела на мужа.

- Дети! - позвал Сан Саныч.

- Чего? - отозвались радостно прыгающие на участке дети.

- Подите сюда.

Дети подбежали. Встали.

- Поехал я, - сказал отец, присев на корточки и погладив их по головам.

- Ага, - сказали дети. - А привезешь чего-нибудь?

- Обязательно.

- Ну ты сегодня прямо какой-то не такой... - тихо удивилась Зинка. - Из-за утюга, что ли? Да ладно, не сгорим небось.

- Поехал, - еще раз сказал Сан Саныч. - Если задержусь - ужинайте без меня.

– А ты не задерживайся! – крикнула вдогонку жена.

Дети, подбежав к забору, отчаянно замахали вслед уезжающим «жигулям». Зинка стояла на крыльце непривычно смирная и задумчивая.

Сан Саныч выехал на трассу и направился в сторону города. Но до города не доехал. Он свернул на какой-то проселок и через пятьсот метров заехал в лес. Достал из бардачка нож и резанул себя по руке. Не глубоко, но так, чтобы закапала кровь. Размазал ее по рулевому колесу, приборной доске, капнул на сиденье. Выбрался из машины, сбросил несколько капель на траву. Вот и всё. Зашвырнул в далекие кусты ключи и, не оглядываясь, углубился в лес, чтобы через десяток километров выйти к другой автостраде. Там он, отряхнувшись и приведя себя в порядок, поднял у обочины руку.

– Куда?

– В город.

– Две сотни.

– Согласен.

В городе он поехал не домой. Дома у него уже не было. Он отправился на вокзал. Сел в электричку. Через пять станций вышел. И отправился бродить по лесу. Любил он лесные прогулки. В одиночестве. Он шел по тропинке, сбивая прутиком листья. Сзади никого не было. Из его и соседних вагонов никто не вышел. Оказывается он ничего не забыл. И все когда-то приобретенные навыки были при нем. И теперь работали помимо его воли. Он прошел по тропинке два километра и захотел сходить в туалет. Огляделся, заметил обвалившуюся избушку – без окон, без крыши, с одними только стенами. Свернул к ней, шагнул в проём отсутствующей двери.

Тихо.

На всякий случай вынул из кармана бумажку и спустил штаны.

Тихо.

Стал вытаскивать из кармана что-то и случайно выронил. В обрушившийся погреб.

- Черт возьми, – тихо выругался он. – Это ж надо. Э-эх!

Он натянул штаны, заглянул в погреб, спрыгнул в него, огляделся. В погребе было холодно, мерзко и пахло тухлятиной.

Он нашел оброненную вещь. Заметил в углу под завалом сгнивших в склизкой плесени досок рваную, всю в засохшем дерьме, телогрейку. Потянул ее. Потрогал рукав, нащупал что-то железное – то ли заржавевший крючок, то ли пуговицу – оторвал. Теперь телогрейка была безопасна. А если бы не оторвал, то могла случиться беда – телогрейка, может статься, вдруг вспыхнула бы и сгорела дотла. Потому что такое бывает. Потому что иной раз брошенные, сгнившие тряпки самовозгораются. Он рванул ткань, нашел что-то там внутри, в прогнившей вате, вытащил, сунул в карман. Внимательно отследил свой путь – не ступил ли он в лужу, грязь или в дерьмо, не отпечатал ли он случайно свой след. Замёл пару сомнительных мест веткой...

И это опять работали навыки. Те, казалось бы, давно утраченные.

Он поднялся по тропинке и направился к другой станции, потому что на ту, с которой он пришел, возвращаться было нельзя. Он вышел к новой железнодорожной ветке и поехал в город, но совсем в иной. Конечный в этом направлении. Там он снял номер в гостинице, предъявив паспорт на имя Сергеева Родиона Михайловича. Пообедал в местной столовке. Купил в случайном киоске симку. В другом – мобильный телефон. В следующем по другому паспорту еще одну симку другого провайдера. И еще в одном – еще один телефон и планшет. И, уединившись в парке, набрал номер. Тот, который был на рекламе. Он его запомнил, потому что записывать было нельзя.

- Меня интересует изделие здмпА421-124-УСД... дробь тридцать четыре. Хочу приобрести его без посредников.

- Спасибо, что вы позвонили. Ваш звонок очень важен для нас, – обрадованно пропел женский голос.

Обрадованно, потому что звонками ее не баловали. Не находились в городе покупатели на изделие здмпА421-124-УСД... дробь тридцать четыре. Никого оно не интересовало. Телефонная барышня уже неделю изнывала от скуки, косясь на молчаливый телефон, но жаловаться на жизнь ей не приходилось, потому что за свое молчаливое сидение она получала очень приличные деньги.

- Когда бы вы хотели купить наше изделие?

- Чем раньше, тем лучше.

- Как бы вы хотели приобрести наше изделие: за наличный расчет или перечислением?

- А сколько оно стоит?

Барышня назвала цену.

- О-ей! - удивился потенциальный покупатель. - Недёшево. А может быть, вы сможете обменять его на изделие 5... дробь 84Н598 м. Модернизированное? Посоветуйтесь с начальством.

- Минуточку, я не запомнила, может, вы по буквам продиктуете, чтобы я записала? - пропела телефонная барышня. - Куда вам можно перезвонить?

- Я сам перезвоню.

Родион Михайлович нажал отбой, вытащил из телефона симку, сломал ее и втоптал в грязь. Телефон бросил в какой-то случайный ручей. Перезвонил он через полчаса, потому что должен был перезвонить через полчаса.

- Извините, я забыл спросить: ваше изделие поставляется в какой комплектации?

- Ой, как хорошо, что вы позвонили! - обрадовалась телефонная девушка. - Я связалась с начальством, и они согласились! Они готовы поменять наше изделие на ваше. И просили связаться с ними по мейлу...

Родион Михайлович запомнил адрес.

- Извините... - сказал он. - А у этого вашего изделия какой гарантийный срок?

- Два года.

- Два-а, - разочарованно вздохнул покупатель. - Я думал, три. Тогда, боюсь, оно нам не подойдет. Извините... - Он снова вытащил и сломал симку. И снова выбросил телефон.

Вечером в случайном кафе совсем другого городка он вошел в Интернет. Набрал адрес в планшете, написал сообщение: «Две грудастые блондинки скрасят вашу одинокую ночь. Пишите нам...» Отправил сообщение. Практически сразу же получил ответ: «Двое приятных во всех отношениях юношей готовы познакомиться с юными девами. Спросить Аликбека». И номер телефона.

Родион Михайлович разбил и выбросил планшет. И с новой симки в новом мобильном набрал искомый номер.

- Да? - грубо ответил мужской голос.

- Можно услышать Аликбека?

- Вы ошиблись номером. Не звоните больше сюда.

Аликбек перезвонил через тридцать секунд. И назвал адрес. И время...

* * *

Обмен изделия здмпА421-124-УСД... дробь 34 на изделие 5... дробь 84Н598 м должен был состояться на следующий день в совсем другом городе, совсем другого региона.

Домой Родион Михайлович не вернулся, потому что у Родиона Михайловича дома не было. Согласно паспорту он был холост и бездетен.

Родион Михайлович отправился в аэропорт, где купил билет по паспорту Грибанова Ильи Степановича. И вылетел в тот самый, у черта на куличках, регион. Что будет там, он не загадывал. Но знал, что иначе поступить не мог. Потому что отвечал за послушание головой. И не только своей. Его голове теперь была грош цена. Он рисковал еще тремя оставленными у себя на даче головами.

Если ему повезет, если ему позволят жить по придуманной им легенде, он вернется, наплетя про хулиганское нападение и счастливое из лап злодеев спасение. И будет жить дальше, как все. И будет ездить на дачу, собачиться с Зинкой и играть с детьми. Со своими, не по легенде, а родными детьми. Но что-то ему подсказывало, что возврата не будет, что он ушел навсегда. Что для семьи он умер – там, в брошенных в лесу «жигулях». Там, на поляне, его прошлая жизнь кончилась. Нет у него прошлого!

Нет у Родиона Михайловича. Нет у Грибанова Ильи Степановича. И нет у Сан Саныча.

Есть только будущее. Туманное и страшное, потому что другого в организации, которой он служит, не бывает. Потому что это Контора...

* * *

Огромный ангар на пустыре. Наверное, раньше в нем стояли самолеты дальней бомбардировочной авиации. А пустырь был аэродромом. Когда-то мы отсюда грозили шведу и прочим разным скандинавам. Теперь – никому.

Ворота ангара закрыты, петли проржавели, бетонные выезды заросли мелкими деревцами. Но замок на маленькой дверце был сброшен. Посреди ангара стоял стол. За ним сидел человек. С виду никакой. И тот, который пришел к нему на встречу – тоже никакой. Они были как близнецы, хотя не похожи друг на друга.

– Ну, здравствуй, Резидент. Садись.

Резидент сел на стул. Он впервые видел этого человека. И был удивлен, что видит, потому что лишние знакомства в Конторе были не в чести.

– Ты мой новый Куратор? – спросил он.

– Пусть будет так, – согласился незнакомец.

Где прежний Куратор, Резидент не спрашивал, потому что бесполезно было спрашивать. Был, а теперь нет. Теперь вместо него сидит вот этот.

– В связи с чем был объявлен экстренный сбор?

– Ты про изделие? Кстати, вот оно, в комплекте, – кивнул Куратор на деревянный ящик под столом. – Можешь потом забрать. И выкинуть.

– Почему была объявлена тревога? Что случилось? – еще раз спросил Резидент.

– Ничего особенного, – пожал плечами Куратор. – Отработка аварийного канала связи. Учения. Когда то нужно его проверить.

Ну да, учения... Просто учения.

Резидент вспомнил дачу, семью, брошенный «жигуль». Всего лишь учения... Он думал, дело обстоит серьезнее. Аварийный сигнал, те самые цифры, которые были на рекламном щите, цифры, вернее комбинация цифр и букв, в любом – шрифтовом или звуковом виде – были кодом экстренного сбора. Это было простое как молоток, но эффективное средство, назначенное для применения в самом крайнем, в экстраординарном случае, когда все прочие виды связи будут утрачены. Он был придуман давно, для большой войны. Для атомной войны. Придуман, чтобы собрать уцелевших бойцов в бардаке термоядерной катастрофы, возможно, уже не на своей, а на чужой, оккупированной врагом, территории. Это был универсальный для всех пароль опознания. Он никогда не использовался, так как был почти анахронизмом, но не был упразднен. И вот теперь какой-то умник решил его проверить.

– Почему на меня не вышли раньше обычным порядком? – спросил Резидент.

Куратор пожал плечами.

– Не знаю, – ответил он. – Это меня не касается. Я знаю только то, что мне положено знать. Я должен был вызвать тебя через аварийный канал связи. Я это выполнил.

- Что мне делать дальше?

- Продолжить проверку. Сделать то, что делал я - отправиться в указанные регионы для отработки экстренного сбора. Найти тех, кого ты не знаешь, как нашел тебя я.

- А после?

Он всё еще надеялся вернуться. Выполнить задание и вернуться. И ждать нового вызова. Может быть, еще пять, может быть, десять лет. А может быть, до конца жизни оставаться «консервами», состоя в резерве. Наверное, такое тоже бывает. Хочется надеяться, что бывает.

- Дальше проверку продолжат те, кого вызовешь ты.

- А я?

- Ты получишь новый приказ. От своего Куратора.

- От тебя?

- Не исключено. Если меня назначат твоим постоянным Куратором. Или от кого-то другого. Но рано или поздно получишь.

В «другого» Резидент не поверил. Контора без надобности не светит своих бойцов. Если ты с кем-то встретился, кого-то увидел, то увидишь еще не раз. Но только его! Скорее всего, вот этого - торговца изделием змпА421-124-УСД... дробь тридцать четыре. Теперь он будет его Куратором. Пусть так.

И всё же Резидент не удержался:

- У меня есть шанс продолжить работать в моем Регионе?

- Почему нет? - пожал плечами Куратор. - Теперь «передачка».

«Передача» – это не посылка в места лишения свободы. Это полная информация по работе Резидента в Регионе – его легенда, схроны, имена «законсервированных» помощников, каналы связи, сведения о местных руководителях и криминальных авторитетах и прочее. Всё то, что он знал и что могло пригодиться его приемнику.

Теперь Резидент не испытывал иллюзий. Он отдавал свою базу и, значит, уходил отсюда, скорее всего, навсегда.

– Здесь всё.

Резидент передал фотоаппарат – цифровую «мыльницу» с картой памяти, для маскировки забитой «домашними» фото. Зашифрованная информация шла вторым, невидимым слоем. Сам фотоаппарат был тоже не простой, а с пиротехнической начинкой.

Дальше говорить было не о чем. Просить – безнадежно. Надеяться – бессмысленно.

– Мои регионы?

Куратор показал бумажку с цифрами.

– С кем мне держать связь?

– Со мной. Вот текст вызова. Ищи его на сайте бесплатных объявлений каждый вторник.

– А если мне понадобится помощь? Я могу войти в контакт с вами?

Куратор поморщился. Связь в Конторе осуществлялась в одностороннем порядке. Как в ниппеле, в который можно дунуть, но лишь в одну сторону.

– Ты же знаешь правила: решай свои проблемы сам.

– Но а если...

Куратор внимательно посмотрел на Резидента. Тот был разговорчив. Очень разговорчив. Слишком разговорчив.

- Если тебе понадобится я, то дашь объявление следующего содержания...

И это снова была архаика – объявления. Но Контора, как и всякая спецслужба, предпочитала наряду с новейшими разработками пользоваться и проверенными методами работы. Куратор продиктовал аббревиатуру с каким-то экзотическим расширением. Этот мейл можно было использовать в самом крайнем случае и только один раз.

- Отправишь открытку на любом языке. После отправки...

Это Резидент и так знал – ноутбук или планшет уничтожить, место нахождения сменить. Но только вряд ли кто-то заинтересуется открыткой с монгольскими или южно-африканскими поздравлениями.

- Тогда я пошел? – просто спросил Резидент.

- Валяй.

Изделие здмпА421-124-УСД... дробь 34 он утопил в дебрях перелеска в каком-то случайном болотце.

* * *

Объявление было вроде бы обычным, но странным. Какой-то потерпевший разыскивал свидетелей ДТП, случившегося прошлой осенью на перекрестке улицы Космонавтов и Окружной, где превысивший скорость велосипедист сбил на переходе старушку, причинив ей сильный испуг, от которого та спустя семь месяцев скоростно скончалась.

Дурацкое объявление. Но с мейлом 421124@... На который никто не ответил. В том числе тот, кто должен был! Объявление вышло еще три раза. И опять – ничего! Оставалось идти по стопам предшественника. Резидент вылетел в Москву, потому что ему нужны были гарантии, что его объявление будет замечено.

В известное пиар-агентство с улицы забрел какой-то древний пенсионер.

– Вот, – положил он текст объявления на стол редактора. – Хочу, чтобы, значит, был кордебалет, а текст читал какой-нибудь народный артист.

– А вы знаете, дедушка, сколько будет стоить такой клип? – усмехнулся редактор, с сомнением оглядывая заказчика и прикидывая, как бы от него побыстрее отделаться.

– Знаю, – не испугался хорошо проинструктированный заказчик. – У меня аванс есть. – И вытянул из пакета газетный сверток, в котором была завернута толстая пачка денег. Американских.

– Ничего себе! – Редактор привстал и сменил тон: – Присаживайтесь, дедушка. Кофе сюда, быстро!.. Что хотите рекламировать?

– Добавку, – прочел по бумажке дедушка. – Био... ГОСТ 421124-СТБ.

– Отлично, – похвалил его выбор редактор. – Но если вы хотите, чтобы реклама была смотрибельной, вот эти цифровые обозначения лучше убрать. И как-то обыграть... Например: БИО-О-О-О – какая добавка...

– Нет, убрать нельзя. Пусть будут, – забеспокоился дедок. – Чтобы прямо как в СССР: ГОСТ и цифры.

– Но это скучно!

– Пусть будут! – И дедушка потянулся к авансу.

– Ну, хорошо, хорошо. Желание заказчика для нас закон! Будет вам ГОСТ! Кого желаете видеть на экране?

– Народного артиста!

– Какого именно? У нас их много. Назовите имя.

Дед назвал имя. Из тех прежних кумиров его тревожной молодости.

- Хорошо, сделаем.

- И что, он придет? - слегка вышел из роли пенсионер.

- Конечно. Нет таких народных артистов, которых мы не смогли бы вам предоставить! Хоть даже на именины вашего внука. Вопрос в цене.

Дедушка вспомнил инструкцию:

- А артистку можно?

- Сколько угодно.

- А если она певица?

- Пожалуйста.

- Тогда вот эту...

Редактор покосился на сверток.

- Я еще добавлю, - пообещал пенсионер.

- Коли так, не вопрос...

Через неделю, в прайм-тайм, по местным каналам телевидения одного удаленного от столиц Региона прошло объявление о продаже оптовой партии от пяти тонн биодобавки ГОСТ 421124-СТБ. При этом номер ГОСТа непрерывно крутился на экране, перекрывая полуодетый кордебалет и лицо известной всей стране певицы, которая пела про тот же самый ГОСТ, хорошо проговаривая каждую цифру и букву.

- Ни черта себе! - поражались зрители. - Чтобы в нашей дыре чего-то рекламировала сама...

Такая реклама не могла пройти незамеченной, так как о ней судачили все: «Видал вчера?» – «Видал! И сегодня тоже!»

На указанный телефон стали активно звонить почитатели артистки, которые возмущались ее участием в низкопробной рекламе каких-то там добавок. «Как вы могли?!» – кричали они.

Три нанятых диспетчера отбрёхивались от наседающих фанатов бархатными голосами. И чуть не пропустили важный звонок.

– Меня интересует биодобавка точно этого ГОСТа, и именно от пяти тонн. В свою очередь хочу предложить специальную добавку к этой биодобавке... К кому мне обратиться?

– перезвоните по телефону...

По означенному телефону абонента, как водится, послали далеко и грубо, попросив забыть этот номер и никогда больше сюда не звонить.

Но через несколько минут номер абонента набрали. Встреча была назначена.

* * *

Вагоны мотало по рельсам, в раскрытые окна глядела непроницаемая темнота, иногда перерезаемая резким светом фонарей переездов.

Это была последняя ночная, спешащая в депо электричка.

В середине состава, в тамбуре стояли два человека. Они привалились к стенкам возле разбитого окна, курили сигареты и о чем-то лениво переговаривались. Ни в вагоне справа, ни в вагоне слева никого не было. А может, и во всем поезде. Ночью до конечной мало кто доезжал.

– Почему на меня не вышли обычным порядком? Почему аварийным каналом?

– Учения.

– А более современные формы связи использовать было слабо?

– Не знаю. Я не принимаю решений. Я исполняю приказы.

Состав притормозил у полустанка. Мужчины замолчали. Двери раскрылись и почти сразу захлопнулись. «Следующая остановка “Сосновка”».

– Меня не тревожили десять лет.

– Могли и дольше.

Грохот стоял такой, что они еле слышали друг друга.

– У меня семья. Настоящая...

Резидент пожал плечами.

– Десять лет – большой срок. У меня работа. Родственники. Болячки. Я вряд ли смогу быть полезен. Просто не смогу.

Резидент промолчал. Он думал. «Десять лет у этого. И у него девять. Сколько у следующего? Судя по всему, их послали “вскрывать консервы”, возвращая к службе тех, кто, как и он, обжился на гражданке. Хочется надеяться, что это лишь текущая проверка их боеспособности. Кто-то, дергая за ниточки, выуживает из медвежьих углов закопавшихся там бойцов. Зачем? Вряд ли для того, чтобы они снова забились в щели. Вряд ли...»

Разговаривать долго они не могли.

– Что я должен делать?

– Отправиться в указанный Регион для отработки связи по аварийному каналу.

Всего лишь отработка... Но это означало, что прямо теперь, из тамбура электрички ему надлежало уйти в никуда – в новую жизнь, с новой биографией, с новыми документами, оборвав все прежние связи. Уйти, не попрощавшись...

– Я вернусь?

– Может быть, – солгал Резидент. И сам себе не поверил.

И ему не поверили.

– А если я не смогу? Если откажусь?

– Ты не можешь отказаться. Ты знаешь, что будет.

Оба знали, что будет.

– При чем здесь они?

– А при чем я? Я всего лишь выполняю приказ. У тебя нет выхода. И у меня нет.

– Выход есть всегда...

– Нет, выхода нет.

Они разговаривали уже несколько минут. Слишком долго для случайных попутчиков.

– У тебя осталось три минуты. Запомни варианты связи...

На следующей станции один из них вышел. Хотя на этой станции у него никого не было и делать ему здесь было нечего. Электричка простучала мимо. Поздний пассажир прошелся по перрону и сел на скамейку. Он должен был спешить. Но он не спешил. Он сидел, опустив голову. Его никто не тревожил. Некому было тревожить. Он сидел, хотя должен был встать, поймать случайную машину, доехать до другой железнодорожной ветки... Или пересидеть ночь в лесу, до первой утренней электрички. А днем лететь или ехать в дальний, назначенный

ему Регион по подложным документам, чтобы исполнить приказ.

Нужно бросить семью, потому что это не семья, а легенда прикрытия. Всего лишь легенда, которая позволяла ему слиться с окружающим миром, стать как все. Ибо мужчина в полном расцвете сил, живущий многие годы один, вызывает подозрения. А он не должен был вызывать подозрений. Он давно выбрал себе женщину, на которой женился. И стал жить как миллионы обывателей. Стал одним из многих. Ходил на работу, ездил в отпуск, с кем-то приятельствовал, с кем-то ездил на рыбалку, в меру пил, в меру безобразничал. Он ничем не отличался от своих сослуживцев и от соседей. Он был усредненным, как новобранец в строю.

Но он совершил ошибку – позволил себе завести детей. Точнее, его жена позволила. Дети вписывались в легенду, и он не стал настаивать на прерывании беременности. Он недооценил законы биологии. Не желая того, он привязался к своим детям и их матери. Десять лет – большой срок, чтобы привыкнуть даже к плохому. А он привык к хорошему.

Для него семья перестала быть легендой, она стала просто семьей. Его семьей... Он надеялся, хотя боялся себе в этом признаться, прожить вот так остаток дней – вырастить детей, пристроить их в институт, отгулять на свадьбах, помянуть внуков. Его ждала очень средненькая и скучная жизнь, но другой он не желал, другая у него уже была!.. Он надеялся зря...

За ним пришли. Как за бандеролью до востребования, потому что он не принадлежал себе. И теперь он должен был уйти. Сразу, никого ни о чем не предупредив, придумав легенду, которая объяснит его внезапное исчезновение. Обязан был. Без вариантов.

Варианты его организация не допускала. Он был ее бойцом и обязан был подчиняться. Беспрекословно. Должен был подчиниться вот этому своему случайному попутчику. Связнику. Или Куратору. Скорее всего, Куратору. Впрочем, не всё ли равно?

Или должен был ответить за неподчинение по всей строгости. По законам военного времени, потому, что его организация воевала. Всегда. И ответить за его послушание должен был не только он, но и близкие ему люди. Те, о которых он уже почти забыл. И эти, с которыми прожил десять счастливых лет. Он

должен бросить их. Или пожертвовать ими. Третьего не дано...

* * *

Резиденту не понравилась встреча. Вернее, не понравился его контактёр. Что-то было в нем не так – его сомнения, разговорчивость, задумчивость... Так не может себя вести боец. Не должен. Он не поверил своему контактёру. Он и не должен был ему верить, так как отвечал за него головой. Собственной.

В их Организации вообще не принято кому бы то ни было верить. Можно доверять, но... проверив раза три! А коли так...

Планы Резидента изменились. Он выбросил заранее купленный билет на самолет и паспорт, по которому был куплен билет. И вернулся в город. Скорее всего, зря, потому что его визави уже наверняка покинул этот населенный пункт. Теперь он мог быть в аэропорту или на железнодорожном, автобусном или речном вокзале, как вариант, ехать в электричке, увозящей его в соседний Регион, торчать на трассе с поднятой рукой или даже продираться через дебри леса пешим порядком. Единственно, где его не могло быть – это в городе. Но важно было проверить, что он ушел чисто.

Резидент вскрыл «передачку», разыскал интересующий его адрес.

Дверь открыла какая-то молодая женщина.

– Здравствуйте, вам срочная телеграмма. Кто у вас... – немолодой почтальон в очках с толстыми линзами на носу поднес к глазам какую-то бумажку: – ...Михайлов Борис Петрович? Позовите его сюда!

– Извините, его нет.

«Правильно, и не должно быть. Со вчерашнего вечера не должно... Значит, всё в порядке», – успокоился Резидент. Не успокоился «почтальон».

– Как это нет? Па-азвольте... У меня телеграмма, срочная! На имя Михайлова Б. П. Это вам не так просто. Это документ с уведомлением!

- Вам же говорят: его нет.

- Теперь нет? А когда он будет? Михайлов Б. П.? Я позже зайду. Вечером. Или завтра.

- Не приходите. Его уже не будет.

- Как не будет? Я обязан ему вручить лично в руки...

- Слушайте, вы понимаете или нет русский язык? Нет его. Совсем нет. В живых.

Ах, даже так? Значит, всё идет как надо. Контактёр обрубил хвосты, изобразив свою смерть. Он сделал всё правильно. И пожалуй, это самый надежный и щадящий вариант ухода, потому что если просто исчезнуть, то тебя будут ждать годами, рассылая во все инстанции запросы. Это хуже. И опаснее. Уходя - уходи. Лучше выплакаться раз, чем надеяться всю оставшуюся жизнь.

- Простите, - извинился почтальон, стаскивая с головы кепку. - Оно, конечно, я понимаю. И это... соболезную. Но телеграмма... Срочная. Вдруг там что-то важное? Может, передать ее жене? Но, конечно, под роспись. Потому что документ.

- Она не здесь.

- А где?

- В морге.

«Где-где? В морге? В морге?! Что за чушь? Что ей там делать? Или он исхитрился подсунуть вместо себя чужое тело? Тогда это высший пилотаж, в такие сроки... Тем более что опознание...»

- Уйдите, пожалуйста. Я прошу.

- Ну, ладно, - сказал почтальон, пятась. - Тогда я после... Потому как срочно... С уведомлением... Потому как документ...

Во дворе расстроенный почтальон присел на скамеечку, на которой сидели старушки, потому что дворовые бабушки – самый надежный и проверенный источник информации.

– Ой, как же это вышло-то? Ведь молодой какой. И жили-то душа в душу, – причитали пенсионерки.

– Про кого вы? – заинтересовался почтальон.

– А вы что, не знаете? – обрадовались бабульки новому слушателю.

– Ничего не знаю. А что случилось-то?

– Ой, случилось! Такое случилось! Жилец из двенадцатой квартиры, кто бы мог подумать... такой приятный из себя, вежливый... Жили с женой душа в душу... и детки такие замечательные... младшая на фигурное катание ходит... а тут такое...

– Да что случилось-то?

– Как что? Убился он.

– Как? – подыгрывая старушкам, удивился почтальон. – Несчастный случай?

– Ой, кабы случай... Так-то бы еще ладно.

– Неужто убили?

– Нет, – перекрестились соседки. – Повесился он.

– Да вы что!

– Жинка его домой пришла, а он как есть висит на веревке. Страсть! Любка – так та в обморок, дети в рев. Жуть! А он висит... «Скорую» вызвали, да куда там... Поздно. И кто бы мог подумать?

«Кто мог? Он мог! Должен был подумать! Он единственный! Подумать и предположить данный исход! В том числе такой! Ведь намекал покойник, говорил про третий выход... А он мимо ушей...»

- Ой-ёй, - покачал головой почтальон. - Жёнку жалко.

- И не говорите. Какая пара была! Как жили дружно... И детишки...

«Детишки... Да, детишки... В том числе из-за них. В первую очередь из-за них...»

- А еще... - перешла на заговорщический шепот одна бабушка. - На столе, над которым покойник висел, прямо под ним, жена сберкнижку нашла, а в ней уйма денег.

- А скока, скока? - шепотом загомонили старушки.

- Тышши! Новый «жигуль» можно купить, а то и поболе.

- А ты откуда знаешь?

- Верка рассказывала. Она там детишек успокаивала и видала, как Любка книжку открыла и вот такие глаза сделала, - демонстративно вытаращила бабулька глаза. - И сказала: «Откуда столько?»

- Так сколько, сколько?

- Я же говорю: тышши! Большущие тышши!

- Откуда они у него? - удивились бабки. - На заводе работал. Оклад смешной. Своровал чего? Или, может, ограбил?

«Да, деньги - это плохо. Деньги рожают вопросы. Опасные вопросы. То, что повесился, - это полбеды. Посудачат и забудут. А деньги? Конечно, вряд ли жена будет всем подряд хвастаться деньгами, но кто-то что-то всё равно узнает, а что не узнает - домыслит.

- Да какие там деньги, - махнул рукой почтальон. - Копейки, поди.

- Ой, не скажи. Из-за малости так глаза не выкатывают!

- А жена что, теми деньгами хвасталась?

- Не-а. Молчок.

«Слава богу, что молчок...»

- Сразу сберкнижку спрятала, вот так, - сунула бабка руку в вырез платья. - И из комнаты - шась. Я же говорю - мильёны там!

- Ну да - мильёны. За мильён к нему бы быстро пришли. Потому как «Сбербанк» зорко следить должен, кто сколько несет. На то они и поставлены, чтобы ловить всех, кто при деньгах.

- Ну да, верно, - дружно закивали старушки. - Но всё равно там много было.

- Наследство, наверное, получил, - аккуратно вбросил новую информацию Резидент. - Родственник какой-нибудь помер и денег завещал. А он смерти его не перенес и в петлю залез. Выпил с горя - и полез. А деньги жене оставил.

- Ну да, наверное, - согласились соседки. - Иначе откуда таким деньжищам-то взяться?

И еще один взброс. Чтобы старушки в нужном направлении судачили.

- Ну, может, подзаял еще - всё одно в петлю решил. А тут взял в долг, а отдавать не надо. Некому отдавать-то.

- Ну да. Он мужик справный был - всё в дом, всё в дом...

«Почтальон» еще потрепался и встал. Ничего больше он сделать не мог. Носитель Тайны ушел туда, откуда его достать было невозможно даже Конторе. Он всё-таки нашел выход. Третий, между двух единственных... Он - нашел.

Резидент – нет. Покойник подставил его, потому что смерть приказ не отменяет. Для того, кто остался жив. Как в бою, где подразделение сражается до последнего бойца. Этим последним бойцом оказался Резидент. Крайним оказался. Теперь в дальний Регион предстояло отправиться ему. Здесь он сделал всё, что мог. Со всем прочим будет разбираться другой – новый присланный сюда Резидент. Ему предстоит замкнуть на себя все контакты, проверить их, при необходимости «подчистить хвосты», набрать новую команду. Или тоже стать «консервами». До дня «Ч». Хотя...

Хотя, может быть, сюда никто и не приедет, потому что здесь уже есть действующий Резидент, который никуда не делся. А тот, поднятый по тревоге, не более чем «запасной игрок», сидевший на своей скамье десять долгих лет. Никто не может знать, сколько в Регионе людей Конторы, сколько Резидентов и сколько «консервов». Меньше всего может знать он – связник. Потому что его должность – самая низшая в иерархии. Он самый маленький, от него ничего не зависит – винтик. Шпунтик. И... слава богу! От кого мало зависит, тот меньше за всё отвечает. И потому, хочется надеяться, дольше живет.

Прощай, Регион...

Здравствуй, Регион!

* * *

Сообщение на сайте объявлений... Рекламные щиты... Изделие номер... Звонок... Ответный звонок... Встреча у черта на рогах, где ни одна собака даже случайно... С глаза на глаз. Без свидетелей. Но всё равно – с проработанной легендой.

– Ну, здравствуй...

И типичные вопросы, заданные вслух. Очень спокойно:

– В связи с чем сбор?

И заданные самому себе. Почти криком: «Почему именно я?! Почему теперь?! Почему?!»

И привычные, до оскомины, ответы. Вслух:

- Не знаю. Я лишь выполняю приказ.

И про себя... Про себя! «Потому что меня – так же! Без предупреждения. И мне тоже пришлось! Чем ты лучше?! Ты такой же...»

- Тебе надлежит отправиться в Регион...

«Без вариантов... А если надумаешь искать варианты, то... Потому, что один уже искал. И нашел! И подставил! А ты не должен! Не может быть второго прокола, чего бы это ни стоило. Вот тебе! И тем, кто рядом с тобой!».

- Если ты... То знаешь законы...

«Знает! Не может не знать».

- Да, знаю. Но вряд ли пригожусь. У меня здоровье. И возраст...

«Да, возраст и, наверное, здоровье. И хочется его пожалеть и отпустить. С богом. Но только жалеть придется за свой счет. А вот пожалеют ли тебя? Наверяд ли...»

- Хорошо, я подумаю.

«"Подумаю" – это в лексиконе их организации что-то новенькое. Нет, так не пойдет...»

- Ладно, подумай. Хорошенько подумай!

* * *

Был вечер. Еще не поздний. И фонари светили. И место было вполне людное. И полиция была в двух шагах. И ничто не предвещало беды. Но так бывает – ничто не предвещает беды, а она приходит. Без стука. И не ко всем, а к единственной,

выбранной судьбой, жертве.

- Эй, пацан, стой!

Пацан остановился. Три неясные фигуры торчали в подворотне.

- Слышь, ты, не боись, мы только спросить.

Три темные фигуры приблизились, обступили, дыхнули в лицо перегаром. Потому что должны были дыхнуть перегаром.

- Закурить есть?

- Я не курю.

- Слышь ты, он еще и не курит. Блин! Правильный весь из себя, чудачок. Отличник, пооди?

Пацан напрягся, испуганно оглянулся по сторонам. Парни подтолкнули его в тень подворотни.

- Да ладно ты, не дрейфь, никто тебя не тронет. Сдался ты нам...

Хотя сдался. И именно он.

- Если закурить нет, деньги давай. Мы сами купим. Слышь? Бабки-то у тебя имеются?

Деньги у пацана были. Немного, на школьный обед. И он их, конечно, отдал.

- Тю, - расстроились хулиганы. - Чё так мало? Гони еще.

- У меня больше нет.

- А если поискать?

И хулиганы стали трясти его и выворачивать ему карманы. Двое, потому что третий стоял на шухере. И нашли еще пятьдесят рублей. Мелочью.

– А говоришь «нет». Обманываешь, сучёнок? А знаешь, что за это полагается?

Пацан догадывался.

– Я забыл.

И больше он ничего не сказал, потому что его ударили. Кулаком в лицо. Сильно. Как-то слишком зверски для простой уличной разборки. Пацан упал, ударившись головой об асфальт, и замер. По идее теперь хулиганы должны были по-быстрому смотаться. Но они отчего-то медлили. И вообще, чувствовали себя как-то неуверенно.

– Ну чё раззявились, давай! – прикрикнул один.

– А чё, может, хватит с него?

– Бей, сука!

И лежащего пацана ударили ногой в лицо.

И еще раз. И еще.

– Бей, я сказал!

– А если он сдохнет? Мы на мокрое не подписывались!

– Ни хрена ему не будет. Бей!

И парня ударили еще раз. И еще. Его пинали, как тряпичную куклу. Он не сопротивлялся и не защищался.

– Всё, будет. Слышь, конопатый, иди сюда.

Тот, что стоял на шухере, подошел.

- Теперь ты.

Конопатый пнул.

- Сильней! По ребрам!

Пнул сильнее. Мыском ботинка. В груди пацана что-то хрустнуло. Из рта страшным выдохом вырвался воздух.

- Еще раз. Теперь сюда.

Хрустнуло, выламываясь, второе ребро.

- Всё, валим... И это... телефон у него забери.

- На хрена он нам?

- Я сказал, забери!

Телефон забрали. И что-то еще из мелочи, чтобы произошедшее напоминало ограбление. Уходя, один из хулиганов спросил:

- А это точно он?

- Ты чё, ты его фейс на фото видел? Он это.

На каком-то случайном пустыре они остановились и поделили деньги. Но не те, которые нашли в карманах у жертвы. Совсем другие.

- Это тебе, это тебе. Не хило за пять минут работы?

Точно - вышло не хило.

Хулиганы мусолили купюры и хищно лыбились. Они провернули очень выгодное дельце.

- А на хрена его было бить?

- А я знаю? Нам забашляли, мы его отоварили. Может, его папаша кому задолжал или еще чего... Да хрен на него. Валим...

Избитого парня доставили в реанимацию городской больницы. Он был уже почти не жив. Хирурги, осматривая беднягу, только качали головами.

- Кто его так?

- Да мало ли...

- Что творят, что творят!

У парня были переломаны ребра и раздроблены кости лица. Его сшивали по кускам. Почти сразу же в больницу приехал отец. Он был спокоен, как-то неестественно спокоен и только спросил:

- Будет жить?

Врачи заверили, что будет. Хотя сказали не очень уверенно. И поинтересовались:

- За что его так?

- Не знаю... Не за что. Это ограбление, просто ограбление. У него не было врагов, - ответил отец. - Его просто ограбили и избили. Обычное дело.

Отец не остался в приемном покое, не стал ждать, он повернулся и ушел. Видно, куда-то торопился. А торопился он на встречу, так как единственный знал, что это были за хулиганы. Единственный понимал, за что били...

* * *

Если наблюдать со стороны, а кто-то мог, всегда кто-то может, это была тихая душевная беседа двоих случайно встретившихся грибников. Они разглядывали друг у друга корзинки, ворошили грибы, восхищенно восклицали:

– Вот этот хорош!

– Хорош! Там целая семья была, в соснячке.

И, не меняя интонаций и выражения лиц, продолжали:

– Зачем ты так? Так, зачем?!

– А как иначе?

Иначе было невозможно. Это понимали оба.

И хотя один из собеседников хотел вцепиться другому в глотку, а не грибы перебирать, но сделать он этого не мог. Потому что, даже убив его, ничего бы тем не добился. На место вот этого пришел бы другой и сделал бы всё точно так же.

– Хорошие опята.

– Да, удачно сходил.

Копание в лукошке. Выуживание гриба. Совместный его осмотр. И вопрос, не имеющий отношения к их хобби.

– У тебя ведь еще пацан, кажется... – И никаких эмоций на лице. И даже во взгляде. Только восхищенный осмотр гриба.

– Что я должен делать?

– То, что я скажу. Запоминай... Каналы связи... Аварийные. Пароли. «Передача» из рук в руки. Твой Регион...

А как иначе? Иначе – никак!

* * *

В шикарном офисе за позолоченным столом из красного дерева в роскошном, крокодиловой кожи кресле, в костюме от «Армани» сидел вполне себе благополучный господин. Бизнесмен и местный олигарх. Член президиумов и попечительских советов. Лучший друг Мэра и приятель Губернатора. На столе стояла початая бутылка «Арман де Бриньяк». Перед столом – секретарша голливудских форм с высшим кембриджским образованием и знанием шести языков без словаря.

Господин быстро просматривал бумаги.

– ...Переведите через панамский офшор на Маврикий... Слейте средства со счетов в «Комерцбанке» в Вене... В Рим.

– Сколько?

– Всё.

– Счет?

– Обнулить и подвесить. Эту партию металла перекиньте в Китай.

– Но она шла...

– В Китай, в Китай...

Бумаги кончились.

– Что еще?

– Налоговая проверка.

- Позвоните Михееву.

- Это проверка из Москвы. Михеев говорит, что он ничего не может сделать.

- Дайте напрямую.

- Сколько?

- А сколько они хотят?

- Михеев сказал, что вдвое больше, чем в прошлый раз.

Бизнесмен поморщился.

- Повысьте на треть.

- Михеев сказал, что они не согласятся.

- Тогда добавьте гонорар Михеева. Если он не может договориться.

- Так и передать?

- Так и передайте Михееву! Что еще?

- Уголовное дело.

Дел было много. Любой уважающий себя бизнесмен обвешан уголовными делами, как Бобик блохами.

- Относительно приватизации сернокислотного завода...

- Дальше.

- Вас вызывают свидетелем в суд.

- Какого?

Не в смысле - района, а - какого черта?!

- По делу о покушении на управляющего индустриальным банком.

Бизнесмен поморщился.

- Позвоните Прокурору, скажите... Впрочем, не надо, я сегодня его увижу сам. В бане. Да, приготовьте мне с собой три бутылки «Дом Периньона». Всё?

- Вам пришло поздравление из аппарата Президента.

Бизнесмен удовлетворенно ухмыльнулся.

- Зачитать?

- Валяй.

Секретарша выпрямилась и хорошо поставленным голосом, потому что кроме Кембриджа успела окончить школу-студию МХТ, прочла:

- «Уважаемому... - пауза. - Благодарит вас... за продвижение отечественного спорта и вклад в...»

Бизнесмен согласно кивал на каждом слове.

Ну да, вложил. Стоила ему эта сборная, золотые медали которой весили, в пересчете на спонсорские взносы, по полпуда. Не медального, а чистого, высшей пробы, если по курсу биржи на день получения. Но они стоили того.

- Кто подписал?

- Президент.

- Печатка?

- Нет, лично.

Лично, значит ручкой. Собственной. Монаршей! Отлично!

Бизнесмен повеселел и подмигнул секретарше. Секретарша заулыбалась. Мило, не до ушей, слегка покраснев от нескромного взгляда, потому, что кроме Кембриджа и студии МХТ окончила школу гейш. В Японии. В Токио. С отличием...

- Теперь всё?

- Да... Ой, нет... Тут еще телеграмма.

Какая телеграмма? В век Интернета? Какая может быть телеграмма?

- Срочная.

- Ну?

- Вас просят оплатить счет по старому долгу.

- Вы что, с ума сошли? Это не ко мне, это в финотдел!

- Но здесь написано, что это касается лично вас.

- Лично меня?!

- Ну да, вот написано: «Лично». И «срочно».

- Сколько?

- Тысяча... Рублей.

- Вы что, издеваетесь?!

Если бы миллион евро. Ну, или баксов. А тут – тысяча. Это стало даже интересно. Это сулило какой-то веселый розыгрыш.

– Прочтите, – поторопил бизнесмен, глядя на часы марки «Michael Kors».

– Вас просят перевести деньги на расчетный счет РС...

Бизнесмен всё еще о чем-то думал. По инерции. О Прокуроре. О Президенте. О завтрашней сделке. Какой долг? На какой счет? На какой?! Что?

– Что вы сказали?!

– Что?! – вскинулась секретарша, быстро и тревожно оглянувшись по сторонам, потому что кроме диплома Кембриджа, студии МХТ и школы гейш имела сертификат телохранителя высшей категории. В голосе шефа она безошибочно уловила нотки тревоги.

Она осмотрелась, но опасности не узрела. В пуленепробиваемые окна никто не лез, в бронированные двери никто не ломился. В кабинете, как в дзоте, всё было спокойно.

– Что вы сказали? – переспросил шеф, рассеянно потирая лоб. – Простите, я не расслышал.

– Я прочитала номер счета. Расчетного.

– А... да. Тогда еще раз! Всю телеграмму.

Секретарша перечитала телеграмму.

На этот раз бизнесмен не утратил лица. На этот раз он был спокоен и даже расслаблен.

– Дайте мне телеграмму и... можете идти.

Он вполне владел собой. Но секретаршу трудно было обмануть, потому что кроме Кембриджа, МХТ, школы гейш и курсов телохранителей она училась на психолога. Очень успешно.

- Что-то случилось? - участливо спросила она.

- Нет, ничего, - ответил бизнесмен и безмятежно улыбнулся: - Всё хорошо. У меня всё очень хорошо.

- Визит в баню отменить? - поинтересовалась секретарша.

- В баню? Почему? Нет... Хотя... Передайте, что я заболел. Сердце... - И бизнесмен помассировал левую сторону груди. - Наверное, переутомление.

- Может быть, вам сделать массаж? - Потому что, кроме Кембриджа...

- Идите... Иди!

Секретарша вышла. Бизнесмен взял телеграмму: «Мы просим погасить ваш долг в размере тысячи рублей переводя деньги на расчетный счет... 421-124» И всё...

И всё полетело в тартарары. Разом. Как сорвавшийся в пропасть поезд!

* * *

Он был богат, владел уймой дорогих машин, но приехал на встречу на рейсовом автобусе. Его гардероб мог обеспечить недельные продажи отдела мужского платья ГУМа. Но одет он был в вылинявшую футболку и застиранные джинсы. Он мог привести сюда целую свору охраны, но пришел один. Своими собственными ножками. Он пришел и задал типичный вопрос:

- Что вам от меня надо?

- Не мне.

- Ну, хорошо, не тебе. Им. Зачем я им? Я отошел от дел. Давно. Очень давно.

Собеседник молчал.

– У меня новая, другая жизнь. Зачем мне эти игры в казаки-разбойники? Мир изменился. И страна. И я. Кругом всё совсем другое! Ничего того, что было раньше – нет. Ни-че-го. Мы выросли из старых штанишек. Лопнули штанишки по швам! Износились...

Собеседник молчал.

Бизнесмен горячился, убеждал, терял лицо, потому что терял не только лицо. Он терял гораздо больше – всё. И потому боялся. Кто не имеет ничего – ничего не боится. С голого нельзя снять последнюю рубаху.

– Может, ты передашь, скажешь, что я могу субсидировать... На эти деньги можно найти лучших работников. Много больше гораздо лучших работников. Я сам их найду. Это очень выгодный размен... – Он нёс какую-то ахинею.

Он понимал, что несет ахинею, что никто, тем более вот этот стоящий перед ним Посредник ничего в его судьбе изменить не сможет. Всё предопределено приказом сверху. Он должен сейчас встать, кивнуть и уйти из своей прежней жизни в новую, в которой, возможно, он будет бомжом. Или бухгалтером ЖЭКа. Или заляжет в «консервы». И никаких иных вариантов здесь быть не может. Но как бизнесмен он в это не верил и искал выход из безвыходного положения, потому что всегда искал. И всегда находил.

Он говорил, говорил, убеждая не собеседника, – себя!

– В конце концов, в своем нынешнем положении я могу быть более полезен. У меня связи, информация...

Их беседа длилась уже несколько минут. Длилась непозволительно долго.

– Я пришел не за деньгами, я пришел за тобой, – прервал его Посредник. – Я ничего не решаю. Ты же знаешь правила игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/il-in_andrey/ten-nevidimki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)